лач ребенка за окном не унимался, и от этого было тревожно и нервно. Уйти бы на прогулку, но тучи затягивали небо грозовым шлейфом, и вялость утренняя от бессонной ночи притягивала к подушкам, дивану и телевизионному пульту.

И надо же было ей так глупо вляпаться с этой дачей! Заплатила немалые деньги в надежде на безмятежный отдых в маленьком раю под названием Островок, а оказалась в шумном муравейнике-коммуналке. Променяла свою суматошную квартиру, с утра до вечера кишащую сомнительной богемной молодежью, на такой же бедлам, только без удобств. Теперь живи до самого сентября и терпи ночные крики, пьяный хохот и стоны, то ли от вожделения, то ли от снившихся кошмаров, жалобное нытье то ли голодного, то ли просто больного дитя.

Нет, это невозможно! Неужели никто, кроме нее, не чувствует, что с ребенком катастрофа? Интересоваться бессмысленно. Однажды она уже пыталась поговорить, расспросить, и ей грубо ответили, что плачущий ребенок — не ее, Анастасии, дело, и что ей придется с этим смириться или искать другую дачу.

Ася выключила компьютер, накинула на плечи легкую шаль и, не обращая внимания на трущуюся возле ее ног Котьку, направилась к выходу. Ее комната на втором этаже имела свой отдельный выход и свою лестницу в два пролета, вьющуюся снаружи, почти от самой середины двора.

Именно эта, с металлическими ступенями и легкими перилами, уставленная цветочными горшками лестница с верхней площадкой, похожей на балкон, и эта изолированность от хозяев и прочих жильцов — привлекла Асю, когда она здесь появилась впервые.

И вот, после нескольких дней абсолютного блаженства и покоя, она как-то незаметно оказалась то ли в шумном общежитии, то ли в под завязку забитом бунгало.

Множество жильцов — по большей части родственников хозяйки, близких и далеких, но таких беспокойных, — заполнили все комнаты, пристройки и даже облагороженный сарай. А вчера хозяйка Люда робко попросила ее потесниться и принять ее племянницу из Луги.

— Она недолго погостит, тихая, воспитанная девочка, Юленька, студентка, а спать будет на раскладушке.

- Ок, ответила Ася, скрыв негодование под непроницаемо-холодной маской. Возвращайте мне деньги, я отсюда завтра же съезжаю!
- Ну что вы, что вы, Настасья Ивановна, сразу обиделись. Я же просто спросила. Не хотите, не надо. Больше вас не потревожу, льстиво пропела Люда и ушла, поджав губы. И не лень ей, такой неуклюжей и толстой, подниматься и спускаться по ее легкой, ажурной лесенке.

Кошачий лоток пришлось перенести с балкона в комнату. Прогулка получалась внеплановой, и кошку, которая уже начала осваиваться, исследуя дальние дворовые и не только дворовые закутки, в интересах ее же безопасности следовало оставить взаперти.

Итак, ручку с блокнотом — в один карман, баллончик перцовый от бродячих собак — в другой. Пытавшейся увязаться следом Котьке чуть не наступила на лапы. Пришлось наклониться и назидательно прошептать: «Изззя».

Закрыла дверь перед ее носом, на секунду задержалась наверху, чтоб взглянуть вдаль, в сторону залива, но, не увидев ничего, кроме туманного, слившегося с серым небом пространства, легко сбежала вниз. Это «легко», если честно говорить, давалось ей не то чтобы непросто, но отчасти насильственно и подконтрольно. Потеряй она над собой контроль — вполне возможно и поднималась бы и спускалась так же тяжело, как Люда — ее грузная, приземистая, похожая на растрепанную копну хозяйка.

Уже на нижней ступеньке остановилась, настороженно прислушиваясь к неровно газующему звуку подъезжавшей к воротам машины. Еще через мгновение послышались хлопающие дверцы авто, голоса, мужской и женский, потом во двор вошли двое в синей грубой форме сотрудников скорой помощи.

Тут же, встречая медиков, из комнаты первого этажа выбежала с очумевшим лицом Рита, мать трехмесячного Леньки. Не вовремя подвернувшаяся Ася виновато пробормотала:

— Может, нужна помощь?

Рита выразительно, не поднимая руки, махнула ладонью, иди, мол, куда шла, не мешайся под ногами, — и все скрылись за дверью, за которой продолжался душераздирающий плач. Ася поспешила выйти со двора.

Кутаясь в шаль, шмыгая носом, спустилась вниз по пустынной улице, состоявшей из плотного ряда разноцветных, высоких и глухих заборов.

Ее сопровождал птичий гомон и щебет, по контрасту с ее настроением, веселый и беззаботный. Заборы и ворота, заборы и ворота. За ними виднелись крыши добротных домов и хозяйственных построек.

Верхушки строгих, высокомерных сосен цеплялись за тучи и надменно давали понять, что земная суета их не касается. Шумные елки, наоборот, приветливо кланялись, добродушно тянули разлапистые ветки, источая пряный хвойный аромат. Гламурные красотки-березы шептались, сплетничали, встряхивая ветками, словно рассыпчатыми прядями.

За воротами, по причине раннего утра, еще не слышался шум газонокосилок, разговоров и скрипа качелей. Дымили бочки, хрипло лаяли собаки, голосом одинокого бродяги заливался петух; низко кружа, переругивались горластые чайки.

Ася зябко ежилась и мысленно сокрушалась: мечтала она, дура, о тихом, безмятежном отдыхе, о возможности уединиться, а получила бессонные ночи, ругань соседей с битьем посуды и грозовые раскаты вечно плачущего, чем-то недовольного неба. Бедный, бедный Ленька!

Вот и перекресток с широкой асфальтовой дорогой, ведущей к взморью. В редкий солнечный день здесь было многолюдно. Семьями тянулись в сторону пляжа, волоча за собой надувные матрасы, зонты, шезлонги.

Чем ближе к заливу — тем ниже заборы. Теперь чаще встречались живые изгороди из колючих кустарников или легкие плетни, ограждающие от праздной толпы узкие полисаднички скромных деревянных одноэтажных домов, похожих на бараки.

Пасмурным, туманным утром ей не встретился никто. Дошла до шлагбаума, отметив, что стихийно образовавшаяся перед ним парковка также пустует. На ней дремала, грустно кося единственной уцелевшей фарой, кособокая «четверка» со спущенными колесами и помятыми боками.

Потерянно бродил палево-рыжий вислоухий щенок, довольно упитанный, но по всему виду голодный да еще простуженный. Обнюхивает выброшенные промасленные бумажки и пакеты, покашливает. Она наклонилась, чтоб его погладить, но он, смешно хрюкнув, отскочил, как только ее рука коснулась его горячей спинки. Щенок не доверял ей. Возможно, он не доверял никому.

Ася, стараясь не думать о щенке, но все еще озираясь, углубилась в сосновую рощу. Вдохнула густой, хвойный, влажный воздух, напоминавший о далеком детстве и пионерском лагере.

Оступилась на подвернувшейся под ногу сосновой шишке, потом еще раз споткнулась о выпирающий корень, замедлила шаг и стала делать дыхательную гимнастику. Шесть шагов — вдох носом до самой глубины легких, приподнимаясь на цыпочки, руки вверх, восемь шагов — выдох, с открытым ртом, слегка согнувшись. Вдооооох, выывывыдоххх... Хорошо!

В далекой юности она занималась в театральном кружке. После генеральных репетиций группа собиралась, чтоб прокрутить их видеозапись спектакля и разобрать актерские ошибки.

Режиссер — молодой выпускник театрального вуза тогда казался ей почему-то очень взрослым, почти седым, в очках дядечкой, всеми уважаемым и строгим, — нажимал стоп-кадр и, с досадой хлопая себя по колену, восклицал:

— Апраксина, ты здесь с паническим выражением лица косишь в сторону суфлерской будки, сразу видно, забыла тест. Следите за собой, вы не в толпе и не на базаре!

С тех пор Ася привыкла следить за собой, ну не постоянно, конечно, иногда и забывалась. Сейчас она включила «стоп-кадр» и со стороны взглянула на даму, бредущую среди сосен и размахивающую руками, вверх, вниз, вверх, вниз. Ее шаль развевается, как крылья диковинной птицы, которая пытается взлететь — и не может, все пытается, тянется вверх и все складывает цветные крылья.

И все деревья вместе с низкими облаками, и стихший ветер смотрят с сочувствием на эту жалкую раненую птицу.

Вдоох... выынындох. Наконец меж сосен мелькнула туманная гладь моря, уходящая в бесконечность. Настроение поднялось и ухнуло восторженным спазмом в низ живота, накрыв с головы до ног беспричинной радостью как теплым ливнем.

Это напоминало сексуальное возбуждение, не низменную похоть, но томно будоражащий нервы восторг от близости с единственно любимым, дорогим человеком. Далекое, забытое чувство из той, другой жизни, когда внутренний возраст, несмотря на беспощадные внешние перемены, не превышал лет двадцати пяти.

Хотя и двадцать пять внутренних лет — это много, очень много.

Сейчас ее внутренний возраст стремительно догонял настоящий. И пусть! Возможность наблюдать за жизнью без гормональных оглуплений и ослеплений, отстраненно и трезво, с высоты накопленного опыта — не дорогого ли стоит? А эта глубокая, вселенская тоска, от которой ни сбежать, ни спрятаться, — ее не пугает, если знаешь, что *страх*, всего лишь «есть не что иное, как лишение помощи от рассудка...» (кн. Соломона, гл. 1).

У кромки залива ветер развлекал галдящих чаек, резкими порывами разметывая их в стороны. Волны, вспенивая белые гребешки, монотонно накатывали, отступали тяжело и устало.

На деревенский манер Ася закутала голову шалью, чтоб не продуло уши, и направилась в сторону песчаной косы, оставляя на влажном песке отчетливые, с рельефным рисунком, следы от сабо.

Выпирающая далеко в море коса художественно ломала плавную береговую линию и напоминала глубоко врезавшийся в море мыс. Когда стоишь в конечной точке мыса, кажется, что со всех сторон тебя окружает море, и если долго будешь смотреть вдаль на водную рябь, то легко вообразишь себя несущейся по волнам Фрези Грант.

Возможно, из-за этой песчаной косы поселок назывался Островок. Но вряд ли.

Островку лет не счесть, в стороне от его главной дороги сохранился старинный монастырь, а еще на его окраине возвышаются руины древней крепости, похожие на рассыпавшиеся окаменелости гигантского чудища.

Век восьмой, говорят знатоки.

Почему ее так тянуло к этому побережью? В непогоду, бывало, сидит себе, отхлебывая из чашки горячий чай, щелкает клавиатурой, косит взглядом в телевизор, слушает завывание ветра и стук дождя по подоконнику, и тепло ей, и спокойно, но вдруг вскочит как чумная, накинет дождевик, прихватит зонт — и спешит к заливу, словно кто ее поманил несметными дарами.

Дышалось здесь легко и мыслилось просторно, здесь она ощущала себя свободной частицей всего сущего, как птица, как легкое облако или как порыв ветра, вольный бродить где ему вздумается.

Навстречу Асе, чуть стороной, шла юная пара: девушка — тоненькая, хрупкая, длинные волосы, детский смех, и парень — белобрысый, коренастый, ниже ее.

Ася приметила их издалека, услышав заливистый хохот. Они то догоняли друг друга, то обнимались и целовались. Увидев встречную даму, скромно зашагали, держась за руки, но вскоре снова начали толкаться, дурачиться и мило щебетать, как те птицы, весело галдевшие, встречая утро нового дня.

Потом встретился понуро бредущий парень, с печально устремленными вдаль глазами. Ноги его вязли в песке, легкая куртка парусом надулась на спине, но, кажется, он не замечал холода. Ничего вокруг не замечал.

Ася тут же вообразила, что парень безнадежно влюблен в ту саму девушку, что весело резвилась с другим. Вот она, любовь, вокруг, везде...

Все мы купаемся в любви, дышим ею, незаметно проходим сквозь нее, как сквозь легкий дым или туман, пока не становимся созвучны ее вибрации. Когда же эту энергию приберут к рукам? Приберут, поработят и научатся управлять.

Быть может, даже поставят аккумуляторы на специальных заправочных станциях, от которых можно будет заряжаться и подпитываться всем, кому не хватает любви, чья любовь начала угасать или угасла давно.

Нет, не стала бы Ася себя искусственно подпитывать. Она ждет спокойную, умиротворенную старость, приход которой вовсе не угнетает ее. Пусть страсть останется позади.

Интересно, что слова старость и страсть — стоят почти рядом, но между ними азъ — сам человек, с его пустой или наполненной жизнью.

В юности, прочтя «Горячий камень» Гайдара, Ася не поверила старику: ну как можно не хотеть начать сначала? А сейчас, глядя на молодежь, на свою Маринку с ее непутевым художником-мужем, осталось вздыхать: сколько им всего предстоит пережить, прежде чем они повзрослеют и состарятся — страшно представить!

Нет, не хочет она начинать все сначала, даже исправлять ничего не хочет. Начнет исправлять — запутается еще больше. Так ей подсказывает интуиция.

И вообще, все мы в одном возрасте, не юные и не зрелые, не молодые и не старые, пока бок о бок живем, копошимся и здравствуем на одной маленькой, зеленой планете.

Вдали, у края мыса, чайки галдели и кружили особенно истово. Ася подошла ближе, и сквозь рассеивающийся туман увидела высокого юношу, который кормил птиц, подбрасывая вверх кусочки хлеба. Слетевшиеся на пиршество чайки скрипуче галдели, соревнуясь, кому больше повезет, дрались за добычу, хватали хлеб на лету, стремительно взлетали, резко падали вниз и возвращались с пронзительным хохотом-криком. Ася засмотрелась на эту веселую кутерьму и снова пожалела, что не прихватила с собой ничего съестного.

Парень, кормивший птиц, стоял к ней спиной. Асе хватило одного взгляда, чтоб понять: перед ней представитель золотой молодежи, которых в поселке немало, но которых почти никто не видел, потому как они общались в своем узком, непроницаемом для бедноты кругу.

Движения его были естественны, артистично плавны и выразительны. Ася мысленно включила стоп-кадр и увидела взмах тонкой руки устремленного ввысь юноши. Кажется, еще немного, и он оторвется от земли. Определенно, он занимался в балетной группе. Или танцами. Или актерским мастерством.

Одет он был в теплый серый джемпер грубой домашней вязки, узкие джинсы и кроссовки — на босу ногу. Судя по всему, парень впопыхах выскочил из дома. А хлеб? Хлеб... Скорее всего молодой повеса явился домой под утро, успел сделать себе пару бутербродов, но, получив нагоняй от родителей, ретировался, чтоб не слушать нотаций.

Вот сколько всего придумала, глядя на одинокую незнакомую спину! Довольная собой, Ася, собралась идти дальше, чтоб, обогнув косу, пройти берегом к маяку, но не успела развернуться, как парень коротко и колко взглянул на нее из-за плеча, по-будничному, словно она встречалась ему здесь ежедневно и уже успела надоесть своим присутствием, небрежно бросил:

- А... писательница. Та самая, что «Осторожнее с книгами. Каждая строчка может навсегда изменить вашу судьбу». Простите, забыл имя.
 - Вы меня с кем-то спутали, пробормотала Ася и прибавила шаг.

Она автоматом включила «стоп-кадр», нацеленный в ее сторону, и увидела нелепо закутанную в шаль грустную матрешку, уныло бредущую вдоль берега ранним утром.

Парень усмехнулся, крикнул ей вслед что-то веселое, но его слова унесло в сторону моря и развеяло по ветру.

Вот уж никак она не ожидала, что ее, почти никому не известную, не ведавшую славы и поклонения, может узнать первый встречный.

Пожалуй, если бы незнакомец назвал ее имя, тогда его приветственная тирада потешила Асино тщеславие. Но это «забыл имя» — болезненным уколом задевало ее самолюбие. Нет, чего греха таить, приятно быть узнанной, запомнившейся.

Дождь все не начинался, а ветер, усиленно разгонявший тучи, начал стихать. На небе меж темных облаков, словно предвещая выход солнца, мутно и тепло зазолотилось.

Обойдя мыс, Ася направилась дальше вдоль кромки залива и шла до самого маяка, возвышавшегося в стороне от пляжа, на пологом холме. Маяк всегда привлекал ее внимание, как некий мистический портал, связывающий суетный земной мир со сказкой.

Хотелось прикоснуться к нему, как к Волшебному Фонарю или лампе Аладдина, подойти ближе и войти внутрь, подняться на самый верх и увидеть оттуда мятежную Балтику и берег старушки Европы, или нечто неожиданное, быть может фантастический, призрачный мираж. Но территория маяка была огорожена металлической решеткой, не глухой, но безнадежно запретной, и найти вход в это заветное место ей не удалось.

За маяком берег терял привлекательность и служил прибежищем лодок и маленьких катеров. Перевернутые лодки, прибитые цепью к металлическим штырям, валялись тут же на песке.

Катерки качались на береговых мазутных волнах, и казалось, они были бесхозными, никто их не охранял, никому они не были нужны.

Ася подобрала пару красивых перламутровых ракушек, постояла, задрав голову, рассматривая верхушку маяка, и пошла обратно. Как же она далеко ушла! Ноги уже отказывались шагать быстро, стопы горели, щеки пылали от усталости и от ветра, шлифовавшего ее лицо мелкими песчинками.

Но еще хотелось дойти до огромного валуна, сонно лежавшего в воде уже много веков. Она знала: валун, похожий на выгнувшего спину китенка, всегда следил за ней издалека щербатой выемкой-глазом. Из пляжной публики обязательно находилось несколько смельчаков, сумевших через цепочку торчащих из воды камней пробраться к его бокам и вскарабкаться на самый верх его гладкой, выгнутой спины, чтоб, раскинув руки, позировать на фоне морской дали.

Ася прошла мимо мыса. Романтического Повесу сменило веселое семейство: двое детей резвились, то бегая в догонялки, то подбирая цветные камушки, их мать или бабушка, а скорее всего няня, закутанная в одежды и платки, стояла неподвижно и отрешенно смотрела вдаль.

От усталости Ася уже еле тащила ноги и, дойдя до валуна, удовлетворенно отметила, что близко к нему подойти не получится: мелкие камни были затоплены полностью или наполовину ночным штормом, так, что китенок возвышался над водой в гордом одиночестве.

— Привет, — крикнула Ася, и две волны как-то по-особенному игриво плеснули в ее сторону.

Очень хотелось отдохнуть, и Ася, буксуя в песке, пошла в сторону сосновой рощи, где стояла одинокая скамейка, вечером всегда занятая, но в эти утренние часы наверняка свободная.

Нет, все-таки и сейчас была занята одинокой дамой, полной и рыхлой, в выгоревшей куртке необъятного размера и коротких, широких брючках, из которых виднелись оплывшие лодыжки и стопы, подушками выпиравшие из старомодных туфель. Но широкое светлое лицо смотрело простодушно и открыто.

Ася решила не нарушать ее одиночества, не вторгаться в чужое пространство и стороной пройти дальше, к соснам. Если углубиться в рощу, взяв левее — тропа выведет на территорию заброшенного санатория. Там много всего интересного, и присесть можно под сенью деревьев или в беседке.

— Как прогулка? Не замерзли?

Без сомнения, дама обратилась к ней.

- Не замерзла, но устала. Здравствуйте, Ася живо откликнулась и, зябко обхватив себя руками, направилась к скамье.
- Здравствуйте. Я давно за вами наблюдаю. У меня вот ноги болят и отекают, давление скачет, и такие прогулки мне уже не под силу, сообщила дама с некоторой одышкой и легочным присвистом, но бодро и как будто с гордостью.
 - Вот у вас какое давление?

Ася села на край скамьи. Даму она тут же мысленно окрестила молодой развалиной. По лицу нет и пятидесяти, а выглядит сырой и немощной.

- Наверное, ваши беды из-за веса, смело сказала Ася, глядя даме в глаза.
- Да, надо бы похудеть, но не могу. Нет силы воли, неожиданно согласилась с ней Молодая Развалина.
- Я научу вас, как можно худеть без стресса и ущерба для здоровья, воодушевилась Ася. В ответ встретилась со скучным и недоверчивым взглядом. Наверное, дама приготовилась слушать занудные советы о пользе длительных прогулок и малокалорийных диет, потребляемых «часто и понемногу».
- Есть можно все, что любите. И даже нужно есть не все подряд, а только то, что любите. Но...
- Вот это «но» самое главное и трудноисполнимое, вздохнула дама так тяжело, что даже через одежды было видно, как полное тело ее заколыхалось волнами.
- Отнюдь нет. Есть нужно только тогда, когда вы голодны. Здесь важен зверский аппетит, который будет сжигать все лишнее и накопленное вот и весь секрет. В этой диете главное «но» занятие любимым делом, чтоб обо всем забывалось.
- Ну, мне ваш рецепт не годится. У меня же сахар скачет и щитовидка шалит. А занятие... Какое может быть для меня занятие. Полы мыть дочка приходит. По магазинам обязанность мужа.

Ася поднялась.

- Спасибо за компанию, приятно было познакомиться, меня Анастасия зовут.
- До свидания. Лидия я, просто Лидия.

Дома, сев за компьютер, Ася, не подбирая красивых слов и витиевато закрученных фраз, быстро защелкала клавиатурой, она знала, о чем будет писать. По каналу Спас между тем священник читал седьмую молитву Иоанна Златоуста.

«Господи, избавь меня от всякого неразумия и забывчивости в делах спасения, и трусости, и каменного бесчувствия...»

А так хотелось возопить: Господи, тот, что благ и человеколюбец, пошли мне каменного бесчувствия!

«Баська

Алевтина Павловна проснулась от непонятного звука, который раздавался где-то за окном. То ли плач, то ли писк, то ли ветер завывает и свистит. Прислушалась. Тишина. Нет, снова кто-то запищал, да так жалобно, пронзительно.

Наверняка весь дом проснулся. Не мог не проснуться, не услышать разрывающий душу крик о помощи. Однако завывание и скуление продолжалось, но ни хлопанья дверей, ни голосов слышно не было. Все притворялись спящими, никому не хотелось выходить в темноту и холод, и все ждали: когда же наконец ктонибудь выйдет и разберется.

— Господи, что же это такое? Ребенок, или кошка, или собака? Кто-то же должен выйти, посмотреть. В доме пять парадных, шесть этажей, и пенсионеров, свободных, не работающих, проживает, наверное, больше, чем работяг. На скаме-ечках сидят целыми днями, сплетничают, кости всем перемывают, болезни свои лелеют, а когда нужно выйти посмотреть, кто кричит, — прикидываются спящими.

Самой Алевтине вставать не хотелось. До подъема на работу оставалось каких-нибудь три часа, и она надеялась, что, сладко понежившись в теплой постели, еще сможет заснуть, тогда на работе сможет выглядеть бодрой.

И так она в последнее время мучалась от бессонницы, днем ходила разбитая, с темными кругами под глазами и помятым лицом, а все из-за мыслей разных, посторонних, в голову лезущих, от забот, связанных с семьей.

Впереди маячило лето, в кои веки отпуск выпал на август одновременно с мужем, но скопить денег все не получается, и долгожданную поездку к морю придется отложить до лучших времен.

И сыну не светит ничего этим летом. Промается парень в городе, а это, как известно, здоровья не прибавит. Муж хоть и пашет в две смены, но все доходы, не успеешь их в руках подержать, — поглощаются ненасытной текучкой: то машина разваливается и требует ремонта, то трубы в ванной потекли, еще и холодильник по старости лет вышел из строя. Не знаешь, за что хвататься. Ой, и когда эти проблемы разрешатся, чтоб можно было ни о чем не думать. Алевтине временами казалось, что нервы ее на пределе, еле сдерживалась, чтоб не сорваться на сыне или муже. Ну и срывалась иногда, не без этого».

3

— Настасья Ивановна, Настасья Ивановна! Можно вас на минутку? В дверь стучали робко, но настойчиво.

— Что случилось?

Ася сонная, с тяжелой головой, с неровно бьющимся сердцем из-за резкого подъема, накинула на плечи шаль и, просунув ноги в тапочки, прошаркала к двери. Хозяйка Люда, как всегда, некстати:

— Асечка, сегодня суббота, все на рынок едут. Не хотите запастись дешевыми товарами и продуктами?

Спрашивала, а сама сверкала вглубь комнаты глубоко спрятанными, постоянно бегающими, как тараканы, рыжими глазами. Словно надеялась там найти нечто тайное, врасплох пойманное, например раскинувшуюся на скомканных простынях, храпящую мужскую особь, или бутылку початой водки на столе с остатками ночного пиршества, или второпях брошенный поверх постели фаллоимитатор.

Котька радостно затрусила к открытой двери. Ася поспешно преградила ей путь ногой, строго прошептав «изззя». Послушная Котька притормозила, задрав мордочку стояла и смотрела на Асю с любовью, всем своим видом спрашивая: «А когда будет можно?»

- Где это? Далеко? Зачем ехать, рынок вроде рядом с монастырем, спросила хриплым и чужим голосом, он был из сна, другого, параллельного мира, который пару минут назад был реальнее настоящего.
- Недалеко, на трассе. Ах, вы же не знаете. Ну, там дальнобойщики по выходным ворованным торгуют, а скупщики просрочкой. Давайте съездим. Коля куда-то пропал, да и машина у него стоит со спущенными колесами, кроме вас, везти некому. Можно, конечно, на автобусе, но назад придется сумки неподъемные тащить. Если вы ничего не купите, так хоть посмотрите, для вас, наверное, оно в диковинку будет.
 - Хорошо. Но дайте полчаса на сборы, я еще не проснулась.

Обрадованная Люда ушла, и было слышно, как лестница гудит и дребезжит под ее тяжелой поступью.

Ася, наскоро закинув постель покрывалом, сбежала вниз, вошла в распахнутую дверь летней кухни и, миновав каморку с двумя газовыми плитами, где уже кипели чайники и шипели сковородки, направилась в душевую.

Здесь, на удивление, не было никого, очевидно, об этом позаботилась Люда. Включила водонагреватель и, не став дожидаться комфортной температуры, скинула с себя одежду вместе с остатками сонной неги и ополоснулась под бодрящим душем. Вот и утренний тренинг.

Странно, как тихо было этой ночью, временные Ленькины капризы в счет не брались, слыхали и погромче и пострашнее. Бедный Ленька! В больнице его не задержали, осмотрели, обследовали, вправили паховую грыжу, и дали мамаше совет не допускать плача и истерик. Тогда будет вероятность, что грыжа зарастет.

А не зарастет, придется оперировать, но хорошо бы позже, чтоб ребенок малость окреп. Теперь Рита обязана качать Леньку на руках день-ночь, пресекать малейшее его недовольство, кормить по первому требованию, предугадывать все желания и следить за подгузниками, ни на секунду не оставляя их мокрыми.

Жильцы прознали, что, отчаявшись, Рита вызвала мать и сестру в помощницы. Муж-то Коля, с утра до вечера на работе, а если честно, последнюю неделю его и вовсе никто не видел. Бедный Ленька!

«Спасибо, Господи, что никого не родил и никого не убил» — на исходе жизни сказал один мудрый человек, Дмитрий Мережковский.

Ася оделась по-спортивному, прихватила пустую дорожную сумку и на всякий случай дождевик. Котьку снова пришлось запереть. Ладно, вечером нагуляется. Можно, конечно и выпустить котейку, но это значило — лишиться покоя, и все думать, и переживать, не убежала ли куда, не поймал ли кто, не присвоил ли себе хорошенькую толстую кошечку? Нет уж, пусть сидит, так будет спокойнее им обеим.

Спускалась вниз свежая, душистая, с влажными волосами, готовая к приключениям. Возле ее машины, серебристого Рено Степвея, а попросту Степки, пристроившегося очень удобно, во дворе под навесом, где ни солнце не жжет, ни дождь не мочит, — выжидали несколько человек.

Любопытные взгляды придирчиво шарили по ней со всех сторон. Ася перепугалась и уже прикидывала, как ей придется утрамбовывать страждущую просрочки толпу. Никак Люда на радостях приняла ее Степку за собственную пристройку, с правом забивать его дачниками на свое усмотрение? Но ее тут же успокоили:

- Мы вчетвером поедем, не пугайтесь.
- Только продуктов на всех везите! крикнули из толпы.

Уселись, уплотнились, тронулись. Оставшиеся махали им вслед, словно провожая в дальний, многодневный путь.

— Уф! — довольно выдохнула Люда, елозя на переднем сиденье, никак она не могла пристроить свой объемный живот, упиравшийся в самую «торпеду».

Ее короткое, нелепое платье неприглядно открывало пухлые, в рытвинах, старческие колени, а от кофты исходил едва уловимый запах нафталина и кухонных щей.

Сзади в панорамном зеркале отражались две молодухи, подруги Майя и Рая, цветущие и веселые, с которыми иногда приходилось сталкиваться на кухне и возле душевой, и лицо мужчины, судя по виду — пьющего, красноносого.

Сейчас он держался с достоинством, солидно покрякивал, лысеющее темя его прикрывал старательно зачесанный и приглаженный седой вихор, и рубашка на нем была в полоску, старомодная, но отглаженная. Дамам все время хотелось смеяться без причины, что они и делали.

— Ой, гляди, Машка на остановку ковыляет, а сумку-то, сумку с собой взяла, не иначе целого барана решила прикупить! Ха-ха-хаааа...

Ася молча смотрела на дорогу и завидовала буйной жизнерадостности своих пассажиров. И чему радуются? Провинциалки, толстые, стремные, едут за помоечной просрочкой — а им весело, словно впереди их ждет танцевальный вечер с курсантами да офицерами.

— Ну чего, девки, как спалось нынче? — обернувшись назад, спросила Люда. Дамы снова захихикали.

- Ой, прекрасно спалось, под дождик-то. Как убитая спала, со смехом в голосе сказала Майя, встряхнув каштановыми кудрями. Только Юлька под утро пришла, затопала, свет включила, разбудила, одним словом.
- Вот мерзавка, опять по ночам шляется, ну, получит она у меня, все матери напишу! злобно забубнила Люда и даже головой, рыжей, всклокоченной, затрясла, как больная «паркинсоном».
- А мне Ленькиного рева не хватало. Привыкла уже под его вопли засыпать, довольная своим каламбуром сообщила стриженая блондинка Рая.

Она наклонилась вперед и, пытаясь поймать свое отражение в панорамном зеркале, красила губы жутким перламутром. Ася смотрела на ее отражение, на лоснящуюся, румяную физиономию и думала о том, что, в общем-то, правы эти бесхитростные тетки, вот так и надо жить, радуясь текущему моменту.

— Егорыч, ты чего молчишь? Как спалось, спрашиваю.

Кажется, Егорыч задремал. Его толкнули в бок.

- Я что, я всегда хорошо сплю, смущенно отозвался он и снова солидно крякнул.
- Одна Рита, мученица наша, глаз не смыкает, Леньку качает. Вот беда, шумно вздохнула стриженая и спрятала губную помаду в сумочку. Вот так молодые годы и проходят.
- Пусть качает, мучается. Мы мучились, теперь молодые пусть нянькаются, их теперь очередь, прервала ее Майя. Помню, мой-то, когда родился, тоже капризный был. Орет и орет, я уже света божьего не вижу. Походя сплю. А кормлю строго по часам, так нас учили, молодых мамаш, по часам кормить, мол, режим нужно соблюдать, хоть тресни, но выдержи. И вдруг замолчало дите. Спит себе да и спит, да спокойно так! Я не нарадуюсь. Бужу на кормление, тормошу за щечки, а он поморщится и снова спит. А я, довольная, вместе с ним сплю, уж так крепко, уж так сладко. Только время идет, а он не просыпается. Чувствую, неладно дело. Вызвала врача. Оказалось, молоко мое перегорело, а дите с голоду помирает, обессилело и занемогло. Стала смесями кормить, да не по часам, а как запросит, все тут же в норму пришло, восстановилось и плакать, и какать... Вот ведь как бывает!
 - Ну, ниче, вырос?
- Вырос! Метр девяносто! Двадцать лет парню моему. В армии отслужил, остался по контракту. Планирует в МЧС работать, с гордостью добавила Майя.
 - Дааа... дети непросто даются, вздохнула ее подруга и обратилась к Асе:
 - Настасья Ивановна, у вас есть дети, внуки?
- Есть, дочка, Маринка, замужем. Но рожать не торопится, ответила Ася, кратко и без эмоций.
 - Что за семья без детей?

Все как-то притихли, ожидая ответа.

— Я считаю, выходить замуж и рожать детей — ума не надо. Гляньте вокруг, размножились сверх меры, а много ли путевых? В этом сумасшедшем мире вырастить ребенка благополучным и успешным почти невозможно.

Дамы на заднем сиденье молча переглядывались. Уже хорошо, что не крутили пальцем у виска.

- А «плодитесь и размножайтесь» для кого сказано?
- Для Адама и Евы было сказано, не для нас.

Дорога вела все вверх и вверх, открывая взору дальние поля, леса и темную полоску слившегося с блеклым небом залива. Здесь у Аси всегда захватывало дух, хотелось остановиться, ловить чувство полета и петь во весь голос родное и задушевное, что-нибудь вроде «гляжу в озера синие, в полях ромашки рву».

Вдалеке зазвенели монастырские колокола, приглашая на службу, и казалось, округу огласил торжественный гимн, славящий божественную красоту природы.

— Вот ведь хорошо-то как, — нарушила молчание Люда, — нашлись умные, придумали изымать из магазинов просрочку и продавать задешево!

— И что в этом хорошего? Раньше помойка была бесплатной, а сейчас — за деньги, — проворчала Ася, и ей показалось, что с заднего сиденья Люду ткнули в спину, молчи, мол, не то нарвешься.

Повернули на трассу. За указателем «Липки» по правой стороне дороги тянулась длинная вереница машин всех мастей, плотно жавшихся к обочине. Ася сбросила скорость, ища место для парковки.

Большой промежуток, на который нацелилась издалека, оказался местом торговцев рыбой. Поодаль расположились одноэтажные, словно временные, кафе и магазины.

Народ сновал туда-сюда, но большая часть разноцветным потоком шла по проторенной тропе дальше, в чистое поле, где раскинулся обширный рынок «Выходного Дня». Мелькали палатки, временные крытые прилавки, самодельные щиты вычурных реклам, звучала разухабистая ресторанная музыка. Торговля шла и на обочине, из грузовых фур.

Ася все ехала и ехала, и все не могла найти место для Степки. Вот отъезжающий серый Хендай начал сигналить левым поворотом. Ася остановилась, включила аварийные фары. Через минуту веселая компания выгружалась, шурша пакетами, хлопая дверцами, и вскоре брела в общем потоке к торговому полю. Ася обратилась к попутчикам:

— Часа хватит? Через час встречаемся у машины.

Она шла, рассеянно глядя по сторонам, натыкалась на чьи-то спины, спотыкалась, и об нее спотыкались, один раз даже бесцеремонно наступили ей на ногу, еще и обругали. Народ окружающий ничем не отличался от тех, кого она встречала в магазинах.

Вот два солидных папика, бритоголовых, в костюмах, при галстуках, в дорогих, с зеркальных блеском, ботинках, — закидывают в клетчатые, челночные сумки все подряд. «Наверное, еду для рабов-гастарбайтеров», — подумала Ася.

Вот бабка с клюкой, в старом шерстяном платке, с торчащими из-под него седыми космами, то ли нищая, то ли колдунья, все ходит и все приценивается, но ничего не берет.

«Страна заката»! «Страна заката» Кнута Фалдбаккена — этот фантастический, поистине пророческий роман Ася прочитала в далекой юности, и его действие вдруг развернулось перед ней вживую, on line.

Зря она приехала в это зазеркалье, зря толкается среди любителей ворованной и просроченной дешевизны, где каждое случайное прикосновение жжет как постыдная отметина или позорное клеймо.

«О Боже, нет, я здесь не по своей воле, я — пишущий созерцатель и должна наблюдать за бытием во всех проявлениях», — Ася трусливо и малодушно подняла глаза к небу.

— Смелее, смелее, — обратился к ней молодой мужчина из палатки, — все свежепросроченное, недорого, сначала будет непривычно, потом понравится! — и дохнул на нее запахом алкоголя.

Ася ускорила шаг. Ей показалось, что в конце ряда промелькнуло нечто рыжее, снующее среди ног покупателей и меж прилавков. Щенок? Она побежала, расталкивая народ, а добежав, начала заглядывать под столы и глупо озираться по сторонам, и, наверное, напоминала безумную, потерявшуюся в пространствевремени дамочку.

- Кого вы потеряли? спросил ее продавец.
- Мне показалось, здесь бегал рыжий щенок. Ася продолжала прочесывать взглядом рыночные проходы и закутки.

— Не было щенка, а кот рыжий шастал, видели.

Наконец Ася решилась подойти к столу, за которым скромно стояла немолодая дама, интеллигентной внешности, в очках. «Учительница, не иначе», — подумала Ася. На столе лежал обычный набор продуктов: консервы, мясные нарезки, сыр всех сортов в фирменных упаковках и нарезанный кусками, кофе, чай, конфеты, и еще возле стола стояли коробки с прозрачными пакетами, в которых призывно и солнечно желтели кукурузные хлопья.

Ася вынула кошелек с деньгами и смотрела на товар рассеянно, не зная, что выбрать, не понимая, надо ей что-нибудь или нет.

— Возьмите пармезан, он нечасто бывает, — предложила дама.

Ася взяла один большой ломоть с темной, восковой корочкой, упакованный в целлофан.

- Шестьсот рублей? Ася подняла брови.
- Не обращайте внимания, это магазинная этикетка. Наша цена двести пятьдесят, здесь полкило.
 - Беру!

Ася наклонилась и вынула из коробки увесистый пакет кукурузных хлопьев.

- Сколько?
- Сто. Здесь как раз килограмм.
- Беру!

Ася торопливо расплатилась.

- Спасибо. Непривычные цены. Наверное, вы после таких цен и вовсе перестали в обычные магазины ходить? улыбнулась Ася.
- Стараюсь не ходить. У меня такая пенсия, все не по карману, хмуро ответила дама, глядя в сторону.
 - Доброго вам и удачного дня.

Дама неулыбчиво кивнула в ответ.

Ася пошла дальше. Что ее ждет в недалеком будущем? Сейчас она проедает два сценария и небольшой гонорар от публикации. Но киностудии закрылись, вдохновение, с последней поставленной точкой, угасло, скоро закончатся и деньги. Придется жить на пенсию, которую она даже не принимает всерьез и не снимает с книжки вот уже год. А дальше? Пойдет в литературные рабы? Или встанет на рынке за копеечный процент? Ее приятельница-коллега, научный сотрудник, выйдя на пенсию, осталась работать гардеробщицей в том же институте. Вторая, Анфиса, метрдотель из ресторана, устроилась нянечкой в семье нотариусов.

Но сначала она попыталась открыть кафе. Уже представляла, как они с бывшими сотрудницами обустроят новый зал в стиле летающей тарелки, какие звездные купят светильники, и какие космические повесят занавески. Хорошо, хватило ума, прежде поинтересоваться насчет аренды помещения.

В районной администрации долго сидела в пустом коридоре перед закрытым кабинетом. Когда лоснящийся, толстозадый чиновник наконец явился, его нерабочий вид, отсутствующий взгляд и жирное пятно на галстуке не предвещали ничего хорошего. Анфиса с кислым видом вообразила, как сейчас ей предоставят неликвид: пыльный подвал, требующий капитального ремонта, или бывший каретный сарай, в лучшем случае — магазинный закуток.

«Свободных помещений нет!» — скучно и категорично заявил чиновник.

- Но может быть...
- Нет.
- Если позволите...
- Я же ясно сказал, ничего нет!

- Я сама найду, а вы оформите, пробормотала просительно и виновато. Она уже была рада любому неликвиду, которого в ее районе было навалом.

 Я все сказал уполномоченный сел в кожаное рабонее кресло и взялов
- Я все сказал, уполномоченный сел в кожаное рабочее кресло и взялся листать бумаги.

Она продолжала просительно хлопать глазами, наверное, надеясь на чудо. И чудо случилось. Чиновник угрюмо поднял на нее глаза и вдруг обнадежил:

— Есть один вариант: взять помещение в субаренду.

Анфиса подпрыгнула.

— Куда обращаться?

Космические занавески снова призывно сверкнули синей, в серебристых звездах, парчой, но...

Вернувшись из администрации, Анфиса пролежала в прострации несколько дней, запивая стресс французским шампанским из старой коллекции, сохранившейся от той, другой жизни, когда с ней обращались уважительно и почтительно.

«Как он посмел!» Чиновник невозмутимо направил ее к представителям кавказского меньшинства. И это в Санкт-Петербурге, где Анфиса родилась и прожила всю жизнь, где родились, выросли ее родители, где пережили блокаду ее родные, а некоторые и не пережили. Она погрузилась в депрессию и даже подумывала сесть у Смольного с плакатом «Подайте петербургской пенсионерке, потомственной блокаднице и внучке воевавших дедов».

Сейчас Анфиса за двести рублей в час встречает первоклашку из школы, делает с ним домашние задания, чувствует себя угнетенной, униженной, но смирившейся.

Размышляя, Ася не забывала обходить столы и палатки и успела заполнить сумку конфетами в красивых коробках, а еще всяческим копеечным мармеладом, шоколадом и печеньем, тем самым, что когда-то из-за дороговизны не посмела купить в гипермаркете.

Бутылка рябины на коньяке обошлась ей в сто рублей, упаковка королевских креветок, уже начавших таять, — в двести пятьдесят.

Сумка становилась неподъемной, к тому же поле заволокло сыростью, заморосил мелкий, нудный дождь, более похожий на влажный и колючий туман. Рыночное поле начало пустеть. Ася поспешила к Степке. Ее попутчики пришли позже, все вместе, шумно загрузили в багажник сумки, все так же с хохотом и прибаутками расселись.

Ехали под туманным дождем и вместе с Русским Радио от души горланили:

О Боже, какой мужчина, я хочу от тебя сына, И я хочу от тебя дочку, и точка, и точка!

По приезде, под хорошее настроение, ее пригласили на день рождения Майи. «В среду, в шесть. В беседку. Форма одежды — парадная!» Ася зачем-то пообещала.

Вечером, когда дождь прекратил барабанить в стекло, она вышла на прогулку, но сразу поняла, что зря: весь берег был окутан таким же седым туманом, еще более густым и плотным, и казалось, само небо всей тяжестью легло на побережье. Со стороны залива веяло холодом. Неуютно и промозгло, и немножко страшно, словно перед вселенским потопом.

Ася, будоража нервы, почти наугад, вслепую, пошла в сторону валуна. Она ступала осторожно, с напряжением вглядываясь в даль, которой не было.

Ей казалось, она идет по дну бесконечного океана, и если оттолкнется, устремит вперед руки, то поплывет вверх, все выше и выше, и однажды вынырнет и увидит солнце.

Наконец контуры черной глыбы проступили среди серой мглы, Ася остановилась, боясь споткнуться о камни, постояла с минуту в объятьях удушающего тумана — и повернула назад. Домой, к рабочему столу!

«Сама Алевтина работала на том же заводе, что и муж, только она в отделе кадров, а он инженером и главным по смене. Этой ночью муж, которого, как и сына, звали Михаилом, был на дежурстве и должен был вернуться только утром.

Жалобное скуление не прекращалось, но Алевтина Павловна решила еще подождать, совсем немного. Нет, чувствует она, еще чуть-чуть и не выдержат ее нервы, вот сейчас встанет, оденется и выйдет во двор посмотреть, кто там так жалобно пищит глухой ночью.

Кто бы ни был, но оказаться в темноте и холоде, в полном беззащитном одиночестве — такое и врагу не пожелаешь.

Между тем писк стал тише и как будто совсем замолк. Алевтина облегченно вздохнула, повернулась на бок, сладко зевнула и только погрузилась в дремоту, как услышала какие-то звуки, кто-то поворачивал ключ в замочной скважине входной двери, в прихожей послышались шаги, какое-то топанье, похрюкивание, сопение, и в тот же момент к ней в комнату вкатился щенок, маленький, беленький с куцым хвостиком.

Алевтина вскочила.

- Что это такое?!
- Мам, ты не ругайся. Представляешь, кто-то щеночка выбросил на улицу, он так жалобно скулил. На улице холодно, темно и страшно даже мне, не то что ему, он же совсем маленький.
 - Миша, ты что, себе его взял? Я не разрешаю! почти завизжала Алевтина. Мам, ты не волнуйся, мы его накормим, он немного придет в себя от стресса,
- мам, ты не волнуися, мы его накормим, он немного приоет в сеоя от стресса, согреется, а потом я его отнесу кому-нибудь. Может, Васильевым.
- У Васильевых полный дом кошек и собак, и сами они пьяницы, не нужен им еще один щенок, не возьмут они. Еле сдерживалась, чтоб не нагрубить сыну.
- Ну так объявление дадим. Пристроим как-нибудь, ты только не волнуйся. Смотри, какой он хорошенький! Миша, стоя на корточках, гладил песика между ушками, словно не замечая раздражения матери.

ушками, словно не замечал разоражения жатери.

Щенок, растерянно озираясь по сторонам и наделав уже пару небольших луж, дрожал мелкой нервной дрожью».

Спать легла непривычно рано и, блаженно засыпая, вспоминала базарную ку-

терьму. В сознании закружился калейдоскоп случайных лиц, непонятно по какому принципу отпечатавшихся в сознании.

Пожилая маленькая бабулька, косолапо переваливаясь с бока на бок, еле тащит две тяжелые, загруженные под завязку, сумки.

две тяжелые, загруженные под завязку, сумки. Белобрысый, в веснушках мальчик тихо и вежливо говорит продавцу «спасибо»

за подаренный шоколадный батончик.

Седой как лунь дед, похожий на библейского пророка, ведет за руку сильно хромающую девочку.

Девочка — калека, у нее открыт рот и постоянно течет слюна. Сердобольные покупатели и продавцы кладут деду в сумку кто яблочко, кто конфетку, а кто деньги. Синие глаза деда приветливо светятся.

Вспомнился Егорыч, которого она приняла за пьяницу. Оказалось, Федор Егорович работал плотником в монастыре, считался ценным работником, зарабатывал

небольшие, но стабильные деньги, жил и питался там же, в монастыре, а на рынок за печеньем, конфетами и чаем его послала братия.

Влюбленная пара у палатки с тортами и пирожными отчаянно спорит, что взять. Продавец уступает им за опт, и они бережно складывают в сумку один торт за другим, а поверх — несколько красиво оформленных коробок с пирожными.

Любовная энергия... Дым... Следы на песке. Чайки... Тонкая рука устремлен-

ного ввысь юноши... Туман.

4

С утра не работалось. До полудня не удалось написать ни строчки. Пустота. Не стоит бояться пустоты. Когда страсти обходят тебя стороной, когда тебе не о чем переживать и ничто не происходит — это и есть счастье.

NO NEWS IS GOOD NEWS — говорят англичане. Все события и происшествия — это навязанная извне провокация: придут из ниоткуда, уйдут в никуда. Иллюзия, как падающий снег в стеклянной, сувенирной коробке. Как художественный фильм, который мелькнет яркими экранными образами, пройдется по нервам искусственными переживаниями — и забудется.

Ася сняла очки и откинулась на спинку кресла. За окном барабанил дождь. Хорошо!

В юности ей не хватало приключений, компаний, шума и суеты. Нарваться на неприятности, влипнуть в историю, создать себе проблемы — считалось хорошим тоном.

«Будет, что в старости вспомнить» — произносили с гордостью, словно бросали в копилку сверкающую золотую монету. Но в старости из разбитой копилки сыпались все больше замшелые, корявые недоразумения и уродливые ошибки молодости, отравлявшие жалкий остаток дней.

Дошло до нее это только сейчас, и потому день пасмурный, дождливый, бессобытийный, принадлежащий ей с первой минуты до последней, она принимала за величайшее благо.

Однако даже этот собственный день требовал от нее усилий и действий, навязанных извне. Она опрометчиво пообещала прийти на день рождения, и вот среда, а значит, нужно: A — подумать над подарком, B — переодеться и пойти в магазин, B — купить что-нибудь полезное и недорогое, Γ — снова переодеться. Λ — сидеть среди малознакомых лиц и выслушивать их ничтожные, приземленные глупости.

Ася переоделась, накинула дождевик, сунула ноги в резиновые сапоги. Котька тут же вскочила, как будто и не спала вовсе.

— Не ходи, Котька, иззя, вымокнешь!

Но Котька уже веселой трусцой бежала за дверь.

Вышли за ворота. Котька предпочитала идти по мокрой траве, то ступая осторожно, высоко задирая лапы, то вдруг прытью устремлялась за чем-то невидимым, то отставала, заглядывая под заборы, принюхиваясь к новым запахам, то стрелой летела далеко вперед, впрочем, вовремя тормозя и озираясь.

Вот он, магазин, домик-пряник. Поднялись по ступенькам крыльца. Внутри — обычное, со всякой всячиной, сельпо. Здесь не было никого, даже продавец не откликнулась на звон колокольчика. Ася сразу устремила взгляд на расписную банку-шкатулку с цейлонским чаем, выпукло украшенную видами Петербурга. И цена приемлемая, триста рублей.

— Есть кто-нибудь? — крикнула она, обращаясь в никуда.

Из подсобки лениво выплыла дама в голубом капроновом халате, со скучным лицом.

- Что вам?
- Как вы думаете, вот эта красивая банка с чаем годится для подарка?

Асе хотелось растормошить даму, быть может, заставить улыбнуться.

- Не знаю. Берете или нет?
- Беру! А можно красиво упаковать и завязать лентой?
- У нас не принято.

Пока Ася расплачивалась и вертела в руках вожделенную банку, в магазин ввалилась толпа смуглых гастарбайтеров, заполнивших тесное пространство мокрой одеждой, громогласной тарабарской речью и запахом прелых носков. Ася поспешила на выход.

— Котька!

Котьки не было. Очевидно, она выбежала на улицу и ждет ее там.

— Котька! Котька!

На тихой, безлюдной улице Асин голос звучал жалобно и беспомощно. Продолжая звать, обошла магазин со всех сторон, заглянула по все углы, щели и помойки. Умная Котька не могла без нее убежать далеко, тем более что дождь не прекращался, хоть и превратился из обычного в мелкую, колкую морось.

Вернулась в магазин.

— У меня кошка пропала, возможно, она убежала в подсобку. Не посмотрите?

Продавец, отпускавшая товар смуглым работягам, успела поменять выражение лица на живое, угодливое, на Асю она даже не взглянула, лишь пошарила глазами у себя под ногами.

— Котька, Котька!

Снова вышла на улицу, но возвращаться домой не решалась. Не могла ее кошка за несколько минут убежать далеко на своих коротких кошачьих лапах. Ася еще покрутилась возле магазина, с завистью взглянула на тощего серого кота с оборванным ухом, который вылез из груды ящиков.

Кот посмотрел на нее с робкой надеждой, даже сделал несколько шагов в ее сторону, но, подумав, стоит ли зря мокнуть, снова нырнул в щель между ящиками.

Ася шла в сторону дома и уже кричала во весь голос:

— Котька! Котька! Кс, ксс, кссссс!

В одном из заборов послышался металлический лязг замков, калитка приоткрылась и в проеме показалась женщина, милая блондинка в дождевике, надвинутом на глаза капюшоне, в рабочих резиновых перчатках и с тяпкой в руке.

- Кота ищите?
- Кошечку, пропала несколько минут назад. Серая, с белыми лапками, толстая, но очень подвижная. Не видели?
 - Ой, беда с этими кошками. Мы зареклись на дачу привозить, дома держим.
 - Что-нибудь случилось?
- Пару лет назад у нас здесь кот пропал, и, понизив голос, таинственно добавила: Тогда в округе сразу несколько котов пропало. В том году таджиков понаехало больше, чем отдыхающих, все местные на них грешат.
 - Думаете, съели?
- Не пойман не вор. Нет, теперь своего котика я сюда не вожу, от греха подальше.
 - Спасибо за участие, пробормотала Ася и пошла дальше.
 - Котька! Котька! Кс, ксс, кссссс!

Она пошла по периметру улиц, окружавших ее дом, встретила еще одного кота, по всему виду домашнего, рыжего, очень пушистого.

— Если увидишь кошечку, серую, толстую, с белыми лапками, скажи, чтоб домой бежала, — обратилась к нему Ася.

Неужели ей придется смириться? Нет! Если Котька не найдется, все ее существование, весь остаток жизни для нее будет одним сплошным ужасом, укором за бездумное и легкомысленное отношение к той, которую приручила.

Не заметила, как вошла в зону богатых коттеджей, здесь и заборы были не простыми, железными, но вычурными гранитными столбами, связанными чугунным ажурным переплетением, и крыши по высоте сравнялись с верхушками заносчивых сосен.

— Котька! Котька!

Когда ее Маринка принесла с улицы брошенного кем-то котика, он оказался маленькой, невесомой, в чем душа держится, кошечкой. Ее назвали Кэт — официально и торжественно.

Но у Кэт появилось множество простых домашних имен и даже кличек, которые она все знала, помнила и на все откликалась, даже если имена варьировались в зависимости от настроения хозяйки: Котя, Катюся, несносный Кот, нерадивая Катька, а из-за того что в последнее время она набрала вес и была похожа на круглую, тяжелую бомбочку — еще и Бамбуся, Котя-Бегемотя, Колобок.

— Котька! Котька!

Кэт росла на удивление резвой, смышленой, догадливой, никогда не шла в руки к посторонним, но Асе доверялась полностью. Котька, не бывавшая до трех лет на улице и не встречавшая сородичей, считала себя таким же человеком, как Ася и Маринка, только меньшего размера.

А еще Котька гордилась своей гладкой, шелковой шерсткой, и на таких больших и сильных, но совершенно облезлых и неповоротливых особей смотрела снисходительно, выразительным взглядом, говорящим: «Как же мне вас жаль! И шерсть-то у вас, несчастных, вся повылезла».

— Котька! Котька!

Оказавшись впервые на улице и увидев бродячих котов, Котька испытала стресс. Нет, не желала она себя причислять к ничтожному роду кошачьему! И сейчас, живя на даче, в возрасте пяти лет от роду — она так и не смирилась со своей участью быть не по образу и подобию.

— Котька! Котька!

Прошло часа два, прежде чем Ася вернулась домой, усталая, мокрая, постаревшая. Приготовилась весь вечер писать объявления.

Котька встретила ее сразу же, во дворе. Вышла с виноватой мордочкой изпод лестницы. Понятно! Убежала из магазина, испугавшись толпы незнакомцев, набегалась по округе, натешила свое кошачье любопытство и вернулась с видом тихой и послушной девочки.

— Ах ты, несносный Кот! Ах ты, нерадивая Катька! Получишь у меня! — пригрозила Ася, закинув Котьку в комнату. А внутри у нее трепетало: «Боже! Какое счастье!» Только сейчас она заметила, что туман рассеялся, и двор заливает ослепительно яркое солнце.

Она с энтузиазмом начала рыться в шкафу, выбирая что-нибудь нарядное, но не вычурное, для дня рождения. Вот и прекрасный повод, чтоб надеть любимое платье. Таскает она его с собой, холит и лелеет, духами сбрызгивает, а надеть некуда.

Скромное такое, шифоновое платье, летящее и скользящее, прозрачных тонов, длиной за колено. Да еще шарф к нему, такой же легкий, нежный и прохладный, едва уловимым цветочным ароматом следует за ней шлейфом, трепещет, играет с ветром, взлетая и вихрясь, как дым, от малейшего дуновения.

В начале седьмого было еще светло. Прихватив пакет с жестяной коробкой, Ася шла к садовой беседке, по старинке увитой плющом, притаившейся среди

благоухающих кустов шиповника и жасмина. Здесь приглушенно звучала музыка, за столом сидел народ, шумно обсуждая какую-то общую тему. У нее взяли пакет, усадили рядом с блондинкой Раисой, поставили тарелку, налили водки в пластиковый стакан и тут же о ней забыли.

— Да! Я утверждаю, что Вселенная наша — огромный гипермаркет! Заказывай что хочешь, все доставят! — громогласно вещала Майя с рюмкой в руке, старинной, граненого стекла, на ножке, из каких пили бабушки времен соцреализма, — и я в это верю!

— Сейчас все об этом говорят, новый модный бренд, да что-то не верится. Вот у меня кошелек украли, и мобильник, как назло, сломался. Я так просила боженьку, чтоб денег мне подкинул! Бывает ведь с некоторыми счастливчиками, находят космические суммы.

Рая курила длинную тонкую сигарету, все время забывая стряхивать пепел. Вот и сейчас серый рыхлый кончик сигареты опасно завис над столом, угрожая испачкать нарядную скатерть.

- Ага, везет же избранным! С удивительным постоянством журналисты передают о каком-нибудь нищем, который находит лопатник с лимоном или больше. И бродяга обязательно возвращает все до копейки владельцу.
- Или выигрывает миллион долларов в лотерею. Не верю я в эти разводы. Рая наконец раздавила в пепельнице остаток сигареты, а засыпанную пеплом скатерть продолжала не замечать.
- Недавно передали, что на окружной дороге из рюкзака мотоциклиста разлетелось по ветру несколько миллионов, фейк из той же серии дразнилок, типа езжайте, собирайте, да поторопитесь, пока другие не собрали.

Теперь она начала качаться на стуле, замирая время от времени под опасным углом. И снова Ася взглянула на нее с укором, ей казалось, что дама обязательно свалится, сломает стул, а быть может и свой копчик, а заодно и все только что распустившиеся пионы за ее спиной.

Слишком часто ее стали раздражать мелочи, которых раньше она попросту не замечала. Она уже подумывала, не уйти ли, но осталась, чтоб дослушать разговор, который коробил ее беспросветной дремучестью и притягивал наивной верой в чудеса.

- Подавать вселенной свое желание нужно с умом, уточнила Майя, не как попало. Вот, например, просишь ты миллион. Так с чувством проси, с уверенностью, так, словно он у тебя уже есть, только в пути, ну, как денежный перевод или заказ из интернет-магазина.
- А сама-то ты что просишь? спросил Коля, тот самый, со спущенными колесами, Ленькин отец и муж Риты. Коля пропадал невесть где несколько дней, а объявился в аккурат к самому застолью.
 - Так миллион и прошу.
- Ну, девки, давайте выпьем за Майкин миллион, пусть он на нее свалится как снег на голову! Сколько уже можно рюмку мусолить.

Все дружно чокнулись. Эхом повторяя — «за миллион, за миллион для нашей Майи».

- Вот запомните мое слово, получу лимон, всех вас соберу, напою и накормлю, благостно сообщила Майя, она пошла пятнами от выпитого, и по ее уверенному виду можно было не сомневаться: ее миллион уже в пути, осталось открыть сумочку, дождаться, когда он туда влетит, чтоб тут же наглухо защелкнуть замок.
- Ловим на слове, добродушно вставила свое слово Люда, выковыривая из салата просроченные креветки и с жадностью засовывая их в рот, отчего все губы ее были в майонезе. А вы, Настасья Ивановна, что скажете?

На нее глянули исподлобья, не отрываясь от тарелок.

— Завидую, — отозвалась Ася. — Завидую вашей вере в чудеса. Я как-то повелась на одну примету. Знакомая научила: говорит, как проезжаешь под железнодорожным мостом, по которому поезд едет, тряси сумкой и повторяй: «денежки ко мне, денежки, ко мне!». И не то чтобы я поверила, просто прицепилась ко мне эта примета, не отвязаться. Как увижу мост железнодорожный, да по которому поезд тащится, — в городе они почему-то все еле тащатся, — хватаюсь за сумочку и твержу как ненормальная: «денежки, ко мне». И представляю, как из открытого вагона, загруженного под завязку пачками пятитысячных купюр, мне под ноги мешок выбрасывают, а мешок переполнен, пачки из него на дорогу сыплются, а я их подбираю и в мешок складываю, чтоб ни одна купюра мимо не пролетела.

Среди гостей послышались смешки. Ася замолчала. Она некстати включила «стоп-кадр» и пришла в ужас от самое себя, пьяной, развязавшей язык, «созерцательницы». Плевать, имеет она право расслабиться?

- Настя, ну чего замолчала. Что дальше-то было, прилетел тебе настоящий мешок с деньгами?
 - Как вы думаете?
 - Неужто прилетел?
- Еду как-то по Обуховской обороне, никому не мешаю, по правой полосе, и машин вроде немного, дорога свободная, пробок нет. Аккурат после железнодорожного Финлядского моста чиркает по мне Лексус и летит дальше. Я в расстройстве останавливаюсь, включаю аварийку. Представляю с досадой, какая сейчас начнется канитель с вызовом гаишников и заполнением протоколов. Вижу, Лексус тоже остановился. Выходит из нее мужик бритоголовый. Пока шел, я успела и машину его, и самого сфоткать. Осмотрели Степку, на нем две царапины тянутся, на заднем левом крыле и вдоль задней двери. Сам заявляет категорично:
 - Двадцать штук, больше не дам. И то, потому что спешу.

Написала я расписку, что претензий не имею, взяла деньги — и мы разъехались. А в сервисе сказали, что вовсе не царапины это, а так, мелочь, краска от Лексуса отпечаталась. Краску салфеткой влажной сняли, отшлифовали. И заплатила я за работу одну тысячу рублей. С тех пор перестала сумкой трясти, не хочу Степку подставлять. В космическом гипермаркете забесплатно ничего не дают. Так считаю.

Скрипнули ворота. Через двор к своей каморке шла пара, супруги Валентина и Виктор. Вернулись из города. Лица недовольные, видимо ругались, как всегда.

— Не хотите к нашему столу? Приглашаем! — крикнула им Майя.

Пара, не притормозив, уже звенела ключами.

- Если у Виктора есть желание пусть идет, а я устала, буркнула Валя и скрылась за дверью. Виктор задержался на дорожке, ведущей в сад, развел руками, пожал плечами по всему было видно, как ему хотелось, но как он не мог.
- Сегодня ночью ждем скандала с мордобитием, заплетающимся языком констатировала Раиса и щелкнула зажигалкой.

Она ошиблась, скандал с криками начался еще до того, как Виктор скрылся за дверью.

- Скажите, есть ли на свете счастливые семейные пары? Сдается мне, что нет! пискнула из своего угла студентка Юлька. По-современному тщедушная, в чем душа держится, она затерялась среди дородных дам и поначалу сидела молча, недовольно поглядывая на окружающих. Вообще-то она собиралась уехать в город и пойти в клуб. Но Люда грозно усадила ее рядом с собой, поставив перед ней бутыль пепси-колы. Юлька пила пепси, много курила и пьянела вместе со всеми.
- Знаете что, у меня есть тост, воскликнула Майя, встав из-за стола. Пьем за хорошую погоду!
 - Отличный тост!

— За хорошую погоду и прекрасный отдых!

Ася незаметно встала из-за стола и тенью скользнула в сад. По тропинке прошла вдоль ромашковой аллеи к небольшой поляне с царственной лиственницей. Поляну окружали душистые цветущие кусты шиповника, нераспустившиеся гортензии и куст миндаля, тянувший свои, усыпанные мелкими розовыми лепестками, ветки к багряному закатному солнцу. Вокруг все стрекотало, шуршало, пощелкивало и посвистывало, и хотелось с кем-нибудь делиться своим восторгом.

Неожиданно Ася, обойдя беседку стороной, вернулась во двор, поднялась по лесенке, как всегда задержалась на балконе, чтоб взглянуть в закатную даль, настежь открыла дверь, взяла тяжелую, толстую Котьку на руки и, плотно прижавшись щекой к ее мордочке, зашептала: «Моя Бамбуся! Мой несносный Кот! Не убегай больше. Не убегай!» — и выпустила ее на улицу.

«Сын повозил тряпкой по полу, растер лужи, потом взял щенка на руки и давай его целовать. Щенок попискивал, похрюкивал и лизал Мишино лицо.

- Ой, что ты делаешь, прекрати собаку целовать! крикнула Алевтина уже беззлобно. Постепенно успокоившись и смирившись (ну не выгонять же снова щенка на улицу!), вынула из кладовой старенький дырявый плед, постелила в прихожей на полу. Пусть пока здесь поспит, потом разберемся, куда его деть. А пока, Миша, ложись-ка, а то еще проспишь школу из-за собаки.
 - Он кобель, щенок. Давай его Баксиком назовем.
- Хорошо, пусть будет Бакс, Баська, в общем. Алевтина благодушно улыбнулась, подумав о том, какой же добрый у нее растет сын. Он один не побоялся и не поленился выйти из дома глухой ночью. Возьми в холодильнике сосиску, дай ему.

Только заснула, затрезвонил будильник. Тут же увидела спящего у нее в ногах Баську, который, заметив, что хозяйка открыла глаза, бросился лизать ее лицо. Восторг Баськи было трудно описать, он похрюкивал, повизгивал, от полноты чувств слегка покусывал лицо, норовил лизнуть в глаза и в губы, а короткий его обрубок-хвост вертелся как заводной. Он, видимо, решил, что навсегда обрел семью, крышу над головой, тепло и сытую собачью жизнь, и радости его не было границ.

— Ой, ну всю облизал, всю обслюнявил! Пошел-пошел отсюда!

Алевтина скинула Баську с дивана и начала собираться на работу. Вот чудеса: Миша уже проснулся (а может, не спал вовсе?), на кухне готовил бутерброды для завтрака. В углу на газетке стояла мисочка и пиала с водой. Хотелось отругать сына за посуду, отданную собаке, но было лень и не хотелось портить утреннюю семейную идиллию.

Странно, но щенок каким-то чудесным образом, какой-то собачьей интуицией расчухал, что в семейной иерархии Алевтина занимает ведущую роль главы семейства, и всячески пытался задобрить ее и подольститься к ней. Крутился у нее под ногами, вертел подобострастно своим обрубком.

Миша тоже пытался угодить матери. Встал пораньше, умылся и аккуратно оделся, сам накрыл стол для завтрака, ну и лужи за Баськой не забывал вытирать.

- Мама, я сейчас его на минуту выведу, а вечером с ним погуляю подольше, ладно?
- Ты что, решил его оставить насовсем? Я не дала согласия! Сегодня же позвоню в «Потеряшку» и объявление в газету дам.
- Мааам, ну давай его себе оставим. Вот увидишь, папа будет не против. В «Потеряшку» бесполезно сообщать, ясно же, что его выкинули, начал уговаривать сын.

Алевтина была непреклонна.

— Нет, нет и нет. Даю тебе несколько дней, чтоб пристроить щенка в хорошие руки. А папе нужно записку написать, а то придет, а дома сюрприз.

Муж Алевтины, Мишенькин папа, был человеком покладистым, добрым, и можно было с уверенностью предположить, что он согласится оставить щенка насовсем, вот только при его занятости заниматься с собачонком, кормить, выгуливать, пол вытирать придется ей одной. Ох, чувствует она, что с сегодняшнего дня забот у нее прибавится в несколько раз».

5

В начале июля и вправду распогодилось. Ася, наслаждаясь теплом, все дни проводила вне дома. Взяв краски, листы картона и складной стул, шла далеко, на самый верх холма. Рисовала тонущую в бирюзовой дымке панораму полей, облака, старую, с облупленными стенами, часовню и буйно цветущую сирень на переднем плане.

Однажды над горизонтом ярко выступила радуга. Один конец ее упирался в берег узкой и вертлявой реки, а другой скрывался в необозримых далях, но все равно картина выглядела так, словно небеса раскрыли свои райские врата, приглашая всех удивиться земным красотам.

С тех пор, какой бы пейзаж ни рисовала Ася, она обрамляла его обрывком прозрачной радуги. Время летело легко и незаметно. Возвращалась назад усталая. Хотелось всем улыбаться и говорить: «Здравствуйте. Не правда ли, прекрасный вечер?»

Утром Асе позвонила дочь и неожиданно заявила:

— Мы хотим к тебе приехать на пару дней. Как на это смотришь?

Радостно так спросила, с уверенностью, что мать, конечно же, скучает и страдает без нее, положено так, по всем правилам, скучать матери по своим детям, даже если они взрослые и не сильно путевые. Ася встретила новость без энтузиазма.

- Неужели соскучились? Говори, что надо.
- Там у вас, наверное, настоящий курорт. Купаетесь, загораете?
- Да, загорела немного. Однако ты забыла, что сама меня просила уехать, я же вам мешала компании принимать и тусовки с распитием устраивать.
- Ну... если честно, у нас деньги кончились, есть нечего, сигареты стреляем на улице, голосом просительным и жалостливым, но все равно казалось, что она вот-вот рассмеется.
 - И что?
- Ну ты и мать! Есть ли у тебя сердце?! Думала, обрадуешься. Маринка играла свою привычную роль разнесчастного, брошенного ребенка.
- Как есть нечего? А где запас продуктов, что я вам оставила? Куда делся полный шкаф консервов? Где холодильник и морозилка, забитые курами, котлетами и пельменями?
- Ну ты даешь! Да че ты оставила-то? На неделю еле хватило. Скинь хотя бы денег на карточку.
- Знаешь, мне надоело. Заставь своего Кирилла работать, наконец! Я для того и уехала, чтоб вы самостоятельно жить научились. Выкручивайтесь сами.

Ася отключила мобильник и упала на диван лицом вниз. С час лежала неподвижно. Котька щекотала ее шею усами, водила мокрым носом по щеке, трогала лапкой и ходила по ее спине туда-сюда — Ася не реагировала. Потом неожиданно

вскочила и начала одеваться для поездки. Куда? Она еще не решила. Просто поедет

по округе, без цели и без конкретного маршрута. Оделась по-спортивному: синие джинсы и бирюзовая майка. Такого же цвета оказалась полоска залива вдали, с высоты ее балкона, не холодно-серебристой, как обычно, а зовущей и волнующей, тепло-бирюзовой.

Степка, уставший стоять без дела, радостно зарокотал, когда она повернула ключ зажигания. Вот беда, бензин на нуле, да еще заднее колесо приспущено, придется ехать на заправку, что на окраине поселка.

Хорошо! Хорошо быть вольной птицей. Все же есть в сиротском одиночестве странная, глубокая щемящая радость освобождения и блаженства, — словно ты поднялся над обыденностью на ступень выше. Но для полной идиллии не хватало новизны, открытий, умных, свежих мыслей. Единомышленников не хватало.

Когда подрастала дочь — ей казалось, растет ее надежда, ее второе Я, но более «продвинутое», более умное, насыщенное новыми идеями, впитавшее в себя все сегодняшнее и все будущее. Не могла она ошибаться, так все и было, пока ее дочь не влюбилась в никчемного, бесталанного художника и не поглупела на глазах.

И вот она, внешне всем довольная, никем не задерганная, такой и позавидовать можно, отдыхает на берегу туманного залива, гуляет себе с кошкой, щелкает по утрам компьютерной клавиатурой.

На самом деле давно обитает в пустыне, где душно, пыльно и нет пути ни вперед, ни назад. Иногда спасает канал Культура, иногда френды в инете.

Порой одна незначительная, но меткая, искренняя фраза приводит ее в восторг. Она подбирает все крохи, обследует все задворки, иногда довольствуется своими же умозаключениями, но произнесенными и подтвержденными извне — однако и этого не хватает.

Психологический иммунитет слабеет в атмосфере застоя и лжи. Это можно назвать интеллектуальным голодом, или пресыщенностью... Или старостью.

Ася ехала все вверх и вверх, по дороге, ведущей в сторону трассы. Отсюда открывался горизонт, с лесами, полями и селениями, утопающими в цветущих садах. В первые дни она любила стоять на самой верхней точке поселка и смотреть в сторону залива.

Поселок отсюда казался южным курортным городком, раскинувшимся на побережье теплого моря, добавь мысленно к панораме ряд темно-зеленых кипарисов и несколько чахлых пальм — не отличишь Островок от Гурзуфа, например, или Пицунды.

На спуске Ася свернула в сторону леса и почти сразу въехала в автосервис, с допотопной заправкой, шиномонтажом и прочими услугами по обслуживанию автомобилей, при полном отсутствии ворот и заборов. Залила тридцать литров девяносто второго и стояла, озираясь, в поисках помощника для подкачки колес. Итак, кого бы попросить оказать маленькую услугу?

Ага, подъехала отечественная лохматка, и возле нее заелозил парень, которого она даже не пыталась разглядеть, просто подошла и попросила помочь подкачать колесо. Парень, не поворачивая головы, буркнул: «Я спешу».

Оно понятно, место глухое, тупиковое, нелюдимое, лучше отсюда поспешить. Ася решила идти к мойке, но тут парень очевидно решил, что его краткий отказ по-казался ей невнятным, и продолжил: «Я спешу, потому что меня дома ждет жена». Ася не отреагировала, тогда он подумал и добавил: «И вообще у меня дворник отвалился, не видите, что машина неисправна?»

— Хватит ныть, зануда! — бросила Ася на ходу, морщась как от зубной боли. Колесо ей подкачал первый попавшийся не мужчина даже, мальчишка, встре-

тившийся за дверью мойки, это заняло у него тридцать секунд времени. ... И когда

они со Степкой выехали на дорогу и, прибавив скорость, весело летели навстречу горизонту, Ася вдруг ощутила пьянящее состояние легкости и счастья.

Куда теперь? Можно развернуться и поехать к монастырю, или в крепость, или к заливу. А можно продолжить путь в сторону леса. Направилась в сторону леса. На днях она видела сидевших у монастырских стен деревенских мужиков, торговавших лисичками и подберезовиками.

Пожалуй, стоит заглянуть в лес. Вот и асфальт кончился. Проехала не спеша по грунтовой дороге, с одной стороны которой простиралось поле, заросшее бурьяном, а с другой — дремучий лесной массив. От обочины его отделял глубокий ров, заполненный стоячей водой. Нет, войти в лес в этом месте не получится. Но мелькнувшая слева узкая дорожка-просека, устремленная в лесную даль, заманчиво пригласила ее проехать именно сюда. Ася повернула.

Красивая лесная дорога, ровная и мягкая от песка и пыли, без канав и ухабов. Пожалуй, стоит прогуляться. Ася выбрала удобное место и съехала в сторону, вплотную к елкам, на пружинистую траву. Накинула валявшийся в багажнике дождевик с капюшоном, положила в карман перцовый баллончик, прихватила прозрачный пакет для грибов и, закрыв Степку, углубилась в чащу.

На нее с радостным, остервенелым жужжанием набросились комары. Кусали за щеки, глаза, путались в волосах. Опустив со лба очки и зажмурившись, она слегка брызнула из баллончика на волосы и дождевик, и некоторое время так и шла с закрытыми глазами, чтоб выйти из отравленного облака. Жужжание и впрямь прекратилось.

Почти сразу она нашла несколько крепких сыроежек, двух маслят и россыпь не успевших вырасти лисичек. А вот и подберезовик! Или белый? Что за красавчик встретился ей на пути? Высокий, крепкий, осанистый, даже дух захвалило от радости. Будет чем похвастать по возвращении. А вот еще один, поменьше. Фу, зря радовалась. Привыкшая не доверять никому и ничему, даже собственной удаче, — Ася попробовала кусочек гриба на вкус. Горделивый блондин оказался красиво упакованной горечью и ядом. Ложный!

Так устроен мир, что лжет сама природа, не шутит играючи, а обманывает зло и рисково. Кстати, сорванные ложные грибы вскоре выдали себя сами: не прошло и нескольких минут, как под шляпками у них порозовело, а ножки высохли и потеряли благородный вид.

Вытряхнула поганки под ноги. А подняв глаза, увидела быстро приближающегося к ней мужчину. Откуда он взялся? Мужчина был в белой футболке с короткими рукавами, смуглый, не русской внешности, а возраста молодого, про который говорят «в расцвете сил». В руках у него был пакет и нож. Мужчина приближался бесшумно и быстро, и странно, что она не увидела его белую футболку раньше, а еще странно, что ветки под ним не трещали, а комары его не кусали, несмотря на короткие рукава. Ася остановилась.

- Здравствуйте произнес мужчина издалека.
- Здравствуйте, ответила Ася как можно спокойнее и приветливее. Много грибов набрали?

Мужчина подошел так близко, что нож, который он держал вместе с пакетом, устремленный в ее сторону, оказался от нее в опасной близости. Ей даже пришлось отступить на пару шагов назад. Нет, дальше она отступать не будет. Длинный и узкий нож, по всему виду — очень острый, почти касался ее дождевика. Но мужчина как будто этого не замечал. Он раскрыл пакет и хвастал добычей: лисичками, мелкими, не успевшими вырасти, и парой мятых сыроежек.

— A вот этот как называется?

Он протянул ей розовеющий, сморщенный ложный гриб.

— Это, скорее всего, поганка, попробуйте на вкус и убедитесь сами.

Мужчина не стал пробовать, выбросил находку, при этом нож не опустил, держа по-прежнему острием вперед.

— Ну, удачной вам грибной охоты, — выдохнула Ася, сжимая в кармане перцовый баллончик. Она повернулась к мужчине спиной и пошла в сторону дороги, где с беспокойством мелькал и поглядывал в ее сторону серебристый Степка. Она обернулась почти сразу же, но мужчина с ножом, устремленным теперь в другую сторону, исчез, словно его и не было, скрылся за елками или распался на атомы, как призрачный фантом.

И только в машине у нее задрожали колени, и не только колени, мелкой, нервной вибрацией дрожало все тело и внутренности. Не могла успокоиться, даже когда защелкнула дверные замки и тронулась в обратный путь. Страшно представить, что могло случиться, потеряй она самообладание! Одно паническое нажатие баллончика могло стоить ей жизни!

Дома она открыла бутылку рябины на коньяке, купленной на рынке, сделала несколько жадных глотков и, не закусывая и не раздеваясь, повалилась на диван. Котька начала радостно щекотать ее усами, топать по ней лапами, потом сбросила со стола баночку с кремом, за ней тяжелую связку ключей, но, не добившись внимания, не нашла ничего лучше, как сделать на полу лужу, под ее носом, у дивана.

— Aх ты дрянной Кот!

Ася вскочила. Пришлось спускаться во двор за водой и тряпкой, вытирать лужу, а заодно мыть весь пол.

— Получай, несносный Кот! Будешь наказана!

Ася закинула тяжелую, толстую Котьку в смежную темную комнатку, служившую кладовой и гардеробной, а дверь закрыла на задвижку.

— Вот и сиди там!

Она тут же провалилась в легкую дремоту, и ей казалось, она видела во сне россыпи лисичек, а еще Майю с толстой пачкой купюр. Деньги сыпались из ее рук и, подхваченные ветром, разлетались в стороны.

— Аська!

Раздался чей-то отчаянный и отчетливый крик как будто над самым ухом. Ася открыла глаза. Нет никого. Тишина. Голос был незнакомым, не мужским, не женским, возможно, детским, нет, она не уверена. Лежала и ждала, когда ее снова окликнут. Не дождалась. Котька! Вспомнила про запертую Котьку. Неужели это она?! Ася встала и поспешно открыла дверную защелку. Котька вышла не торопясь, с достоинством, и, задрав мордочку, смотрела на нее вопросительно.

— Я тебе не Аська! Я тебе Анастасия Ивановна! Понятно, несносный Кот? — отчитала ее Ася.

Котька щурила глаза: «Понятно, мне все понятно, моя ты красота».

За окном золотился и розовел закат. Чистое небо, с легкими перьями белых мазков, небрежно кинутых в синеву, предвещало теплый, ясный день. «Если солнце село в воду — жди хорошую погоду, если солнце село в тучу — значит, жди большую бучу» — так говорили моряки.

Переоделась, вынула из кладовой пластиковую переноску, постелила на дно мягкое, сложенное вчетверо, полотенце и усадила туда Котьку, а для себя прихватила маленький складной стул, на каких обычно сидят рыбаки.

— Гулять пойдем! И не смей от меня далеко убегать, понятно, Котя-Бегемотя? Котька, запертая в переноске, недовольно муркнула, в переводе с кошачьего это значило: «Что за манера запирать? Неужели без этого не обойтись?»

Ася спустилась вниз и окунулась в теплый, влажный вечер, как в бассейн с приятно ласкающей водой. Дорога, ведущая к пляжу, была многолюдна и разноцветна. Навстречу ей шли семьи, с неугомонным выводком визжащих, упирающихся и вечно недовольных детей.

Красные от загара, возбужденные от яркого солнца, — тащили матрасы, шезлонги, надувных уток и дельфинов. Одинокие дамы несли на плече или вели на поводке маленьких собачек. Рыбаки в камуфляже с удочками и ведрами выходили из сосновой рощи откуда-то сбоку, со своих, им одним известных, таинственных троп. Молодые пары держались за руки, висли друг на друге, пожилые — ковыляли, опираясь на трость.

Ася, в своей длинной летней юбке, открытой маечке и распахнутой шелковой блузке в тон, шла против течения. Легкий ветер трепал ее одежду, и длинный шарф то взлетал, ласково касаясь лица, то струился по спине.

Миновала пустеющий пляж, где несколько человек собирали разбросанные вещи, складывали покрывала, упаковывали свои обгоревшие тела в легкие белые одежды. Ася прошла обычным маршрутом на самый дальний край песчаного мыса и только там открыла переноску. Котька вышла, настороженно озираясь и ступая несмело, словно ожидая подвоха. Ася ее погладила, почесала за ушком, и Котька вдруг заурчала, зажмурилась и легла боком на теплом песке возле ее ног, вытянувшись во всю длину.

Зря она взяла этот шаткий, складной табурет, лучше бы покрывало. Разлеглась бы как Котька, отдавшись на волю закатного солнца, вечернего бриза и бездонного неба, и так же смотрела бы в вдаль, туда, где несколько утлых рыбачьих лодок с отважными смельчаками на борту быстро передвигались в зеркальном морском пространстве, таком же бездонном, как небо.

У горизонта красовался многопалубный белоснежный пароход. И было непонятно, стоит пароход или плывет. Все же плывет, в Швецию или Финляндию, постепенно он становился все меньше, его очертания теряли четкий контур.

Хотелось фантазировать, мечтать, представлять вальяжных пассажиров на палубе, капитана с загорелым, обветренным лицом и фиалковыми глазами, обязательно с курительной трубкой. А еще она видела роскошный ресторан со сверкающим хрусталем в свете импровизированных свечей и даже слышала танцевальную музыку.

И вот уже она, вернувшись с палубы, танцует под We shall dance с высоким брюнетом, и так ей спокойно на душе, так умиротворенно, словно она познала всю истину мира. И эта истина заключалась в этом танце и белом корабле, скользящем по глянцевой поверхности залива, все дальше и дальше от берега, где ее никто не ждет и где ей не за что цепляться.

Наконец корабль превратился в точку, блеснул в закатном солнце и исчез. Ася убрала со лба челку и подняла юбку, вот так, повыше, пусть солнце вечерними лучами пройдется по ее ногам. Кошачий бок приятно грел щиколотку, и сама Котька, не обращая внимания на близость воды, жмурилась, показывая всем видом, что она довольна и счастлива.

Ася так же безмятежно и блаженно, до полного созвучия с теплым вечером, растворялась в окружающих красотах. «Сделай одно живое существо счастливым и обретешь смысл жизни» — пришло естественно, словно шепот скользнувшего по щеке закатного луча.

Надо бы записать свежую мысль, чтоб не забылась. Сколько их было, этих фраз и мыслей, мелькнувших и навсегда исчезнувших в никуда. Вспомнился вислоухий, голодный щенок, герой ее рассказа. Где он, что с ним? Наверное, он был подарен ребенку, а потом выброшен за ненадобностью. Или сам сбежал от жестокого обращения.

Котька вдруг насторожилась, беспокойно округлила глаза и мягко, но тяжело прыгнула к ней на колени, словно прячась от невидимой опасности, так что шаткое сиденье под ними покачнулось.

- Здравствуйте, писательница, простите, забыл ваше имя.
- Здравствуйте. Ася одернула юбку жестом почти паническим.

Еще до того, как она повернула голову, она уже знала: это мог быть только юноша, кормивший чаек, Романтичный Повеса, — так, кажется, она его окрестила.

— Нашлась ваша кошка? — Он встал над ней, загораживая солнце.

Ася подняла глаза, прищурилась. Его лица ей разглядеть не удалось. Только удлиненный овал, да смуглый загар, да темная прядь на щеке.

— Как видишь.

Асю его вопрос не удивил. Не мудрено, весь поселок видел ее отчаяние и слышал истеричный зов.

- Пару лет назад у соседей тоже пропала кошка, правда, она не была такой ручной, как ваша. Так и не нашлась.
 - Грустно.
 - И почему все писатели любят кошек?

Ася ничего не ответила, она засмотрелась на лодку с рыбаками, проплывающую недалеко от берега. А когда решила спросить, каких он знает писателей, которые любят кошек, — рядом никого не оказалось. Повеса стоял чуть в стороне и бросал в воду плоские камушки.

Ну, кажется, пора. Ася забрала стульчик, переноску, и они с Котькой зашагали в сторону пляжа, туда, где над водой возвышался черный валун. Ася спиной ощущала взгляд Повесы, и это было неприятно, словно она шла голая по подиуму, и каждый ее шаг придирчиво оценивали.

Котька бежала впереди, интересуясь всем, что попадалось на пути: шуршащей щепочкой, неповоротливым жуком, стрекозой, стремглав промчавшейся мимо. Впрочем, Котьку пришлось снова закрыть в переноске.

На берег с визгом выбежали две босые девушки, за ними так же вприпрыжку скакали два, совершенно очумевших от свободы, беспородных пса. «Отвязали от сторожевой будки, сняли с цепи, выпустили...» — подумала Ася, прижимая к себе переноску. Она вспомнила, как подростком жила в деревне и также упросила бабушку отвязать Волчка. Ей хотелось чинно прогуляться с ним по центральной улице, но пес, сорвавшись с цепи, рванул вдаль с такой скоростью, что Ася только успела разглядеть разлетающиеся, как попало в стороны, уши и лапы.

«Ничего, — заверила ее бабушка, — набегается как чумной, сломает пару плетней, загонит всех кошек на деревья, вернется, еще и шею сам подставит под ошейник и поводок».

«Вот так и с людьми бывает, — подумала Ася, — с теми, кому свобода противопоказана».

Надо бы записать, пока не забыла про Волчка и его дурацкую, беспутную свободу. Дома первым делом вынула блокнот и написала «собак Волч, своб». Что-то еще она собиралась записать, очень простое, но важное и нужное. Вот беда, забыла! Теперь мысль уйдет от нее навсегда.

Ася напряглась, до боли в висках вспоминая каждую минуту, проведенную на побережье. Напрасно. Ее маленькое открытие исчезло в общем информационном потоке и теперь может явиться, но к кому-то другому. Жаль. Не с кем ей делиться своими мыслями, впечатлениями. Этот парень, Романтический Повеса, — как случайный некто из толпы, — толкнул плечом и пошел дальше. И все соседи, Майи-Раи, — как случайные попутчики вагона метро, — неинтересны ей, а она — им.

Выпустила наконец Котьку. Котька с наслаждением потянулась передними лапами вперед, задними — назад и затрусила к своей мисочке.

Вспомнила! Мысль без усилия сверкнула в сознании, — хватай ее и запирай в блокнот, пока не убежала. Ася ликовала. «Сделай счастливым одно земное существо и обретешь смысл жизни».

«И действительно, собравшееся вечером за ужином семейство большинством голосов, несмотря на отчаянные протесты хозяйки, решило Баську оставить. Видели бы вы их: оба, и старший и младший, просто источали нежность и ласку, оба клятвенно обещали заниматься Баксиком, выгуливать, кормить и вытирать лужи. Но уже вечером следующего дня сын оказался занят, а муж на очередном дежурстве, и Алевтине пришлось все заботы о щенке взять на себя. Поначалу это было даже забавно: гулять с ним во дворе, глядя, как он радостно скачет вприпрыжку рядом с ней как зайчонок, кормить его специально для него сваренной куриной печенкой с гречкой, видеть, как он клянчит печенье, и как благодарно пытается лизнуть ее в лицо, поскуливая и похрюкивая от полноты чувств. Несмотря на это, Алевтина дала объявление в газету в надежде пристроить найденыша в добрые руки. Но телефон молчал, желающих забрать беспородного щенка не было, только один раз позвонили и зачем-то спросили, какого он окраса.

Баська был забавный: почти белый, со светло-палевыми и рыжеватыми расплывчатыми пятнами на спине и голове. Уши большие и мягкие, сложенные пополам, болтались как попало, большой кожаный, подвижный и мокрый нос, круглые, черные как смородины глаза, короткие толстые лапы, маленький в виде обрубка хвост.

В семье с появлением Баськи стали происходить просто чудеса, все как будто стало меняться в лучшую сторону. Мише-сыну удалось пересдать информатику и химию и закончить год всего лишь с одной тройкой по русскому. Мужа перевели в другой отдел и поручили ответственную руководящую работу, за успешное выполнение которой обещалась фантастическая по сумме премия. А это значило, что поездка в Сочи, о которой давно мечтало все семейство, могла стать реальностью. Теплое южное море, солнечный пляж, пальмы и кипарисы, безмятежные звездные ночи со стрекочущими цикадами и она, загорелая, похудевшая, отдохнувшая, — все это виделось Алевтине в ближайшем будущем.

Делать Баське прививку от чумки поехали всей семьей. Ехать в машине ему понравилось, он быстро освоился, вел себя хорошо, сидел на Мишенькиных коленях смирно и смотрел в окно как заправский взрослый пес. Казалось, кататься в машине ему доставляло удовольствие, когда вернулись домой, даже выходить не хотел. Миша-муж с трудом вытащил его, такого тяжелого, растолстевшего за этот месяц. Баська упирался, похрюкивал и лизал мужу лицо.

Черемуха во дворе уже отцвела, но все еще источала пряный с горчинкой аромат, а тополя разбрасывались пухом, который как пороша вихрился под ногами.

У подъезда на скамеечке, как обычно кивками, их встречали пожилые соседки. «Ах, все смотрю на них и не налюбуюсь, какое семейство! Такие дружные, всегда

«Ах, все смотрю на них и не налюбуюсь, какое семейство! Такие дружные, всегда вместе. Алевтина Павловна — душевная, редкая женщина», — слышалось им вслед».

6

Чехов писал Лидии Авиловой: «Пишите роман. Пишите роман целый год, потом полгода сокращайте его, а потом печатайте. Вы мало отделываете, писательница же должна не писать, а вышивать по бумаге, чтоб труд был кропотливым, медлительным. Простите за сии наставления».

Наставления Чехова полезны, но для позапрошлого-начала-прошлого века, тогда время тянулось медленнее, люди успевали больше, не торопились, видели перспективу.

Сейчас несешься вскачь и все равно ничего не успеваешь. Современный год — это куцый огрызок от прежнего реального года, в виде нескольких жалких месяцев, расписанных и растянутых по стандарту в календарный годичный срок.

Попробуй сегодня, как Чехов, с пересадками да остановками, на поездах, пароходах да на лошадях проехать через всю Россию-матушку от Москвы до Сахалина, да пожить там, да сделать перепись всего населения, да еще множество полезных дел и вернуться назад по морю, вокруг Азии, — полжизни потратишь. А для Чехова это был один эпизод, важный, яркий, но эпизод.

Ася вяло щелкала клавиатурой, долго подбирала синоним-замену слову «незабываемый». Памятный — звучало трагично, «незабвенный» — пафосно и созвучно «незабываемому», и все остальное — также не годилось. В конце концов построила фразу иначе, в обход, немного изменив смысл. Потом поморщилась и все стерла.

«Баська рос умнющим, жизнерадостным и хитрым. Команду «служить!» выполнял, когда и не просили, лишь бы выклянчить сладкого хрустящего печенья. А команду «лежать!» не любил, а потому делал вид, что не понимает, что он него требуется, и продолжал «служить» или смирненько сидеть с мордой послушного мальчика. Знал, что, глядя на него, все умиляются, восхищаются им, любят его, а потому иногда и отлынивал от неприятных приказов. Утром его выгуливала Алевтина, вечером — Миша-сын, ну, иногда и снова ей приходилось. Сын все чаще убегал куда-то с мальчишками, домой приходил все позже, и как она и предполагала, все заботы по уходу за песиком легли на ее плечи. Утром до работы нужно было с ним обязательно выйти, хотя бы на пять минут, потом помыть ему лапы, потом покормить. Вечером то же самое, да еще и лужи вытирать, оставленные днем. Баська платил ей любовью. В ее отсутствие скучал по своей хозяйке лежа мордой на ее тапочках. А когда она появлялась, толстяк кидался к ней, чуть не сбивая с ног. Цепляясь за ноги, требуя, чтоб его взяли на руки, рвал колготки, портил юбку, полизывал и покусывал, покусывал и полизывал от полноты чувств, всю обслюнявив, и все никак не мог успокоиться.

«Ой, надоел, ой да уйди ты от меня», — отбивалась Алевтина, тщетно пытаясь надеть тапочки и пройти в комнату.

Как-то, когда она, усталая после работы, да еще и после уборки квартиры, занималась глажкой белья, сын заглянул к ней в комнату.

- Мама, мы с Антоном Васильевым. Покорми нас, a? почти шепотом.
- Опять Антона привел! Почему бы тебе не дружить с нормальными ребятами из хороших семей?! В душе все сильнее поднималось раздражение. Нашел себе друга! Они же все пьяницы!
- Мам. Антон нормальный. Представляешь, мы с ним роды у их кошки Дашки принимали. Трое котят родилось. Смотри, как нас Дашка поцарапала. А вот сюда еще и укусила, думала, мы котят забрать хотим. Чуть позже раздавать придется. Может, возьмем одного, а? смотрит с надеждой.
- Нет уж, мне Баськи хватает. Ну, пойди, разогрей первое, колбасу можешь взять, а курицу не трогай, это для папы. Да руки не забудьте вымыть и зеленкой смазать! крикнула уже вдогонку.

Сын скрылся за дверью...».

От работы отвлекли оживленные женские голоса за окном. Ася сняла очки и встала из-за стола. Выглянув, увидела незнакомых дам во главе с Людой. Они что-то эмоционально обсуждали. «Наверное, приезжие комнату ищут», — подумала Ася.

Люда подобострастно кивала им головой, подхихикивала и выглядела жирной индюшкой среди стаи журавлей. Вдруг она указала дамам на ее балкончик. Взгляды вслед за кривым пальцем устремились наверх. Ася еле успела отскочить от окна, но ее все же увидели, потому что Люда старчески-визгливо окликнула:

Настасья Ивановна! Настасья Ивановна! Спуститесь, к вам пришли.

Ася малодушно засуетилась, кинулась к зеркалу, стянула растрепанные волосы в тугой хвост, провела по губам помадой и вышла на балкон.

— К вам пришли, — повторила Люда.

Дамы ей что-то шепнули, и она добавила:

Из библиотеки.

Ася спустилась вниз, и ее обступили незнакомые лица.

- Анастасия Ивановна! Мы к вам по поручению активистов нашего поселка. Вот, очень приятно было узнать, что известная писательница живет этим летом рядом с нами, — смущаясь и стоя перед ней по стойке смирно, произнесла солидная дама в очках. Она оглянулась на своих спутниц, и те подобострастно закивали.
 - Умоляю, не надо, холодно оборвала ее Ася.

Она некстати включила «стоп-кадр», и со стороны ее холодность увиделась в другом свете. Вместо трезво-себя-оценивающей скромницы, не выносящей лести, увидела неприглядную картину: «пресыщенная славой авторша устало обрывает восторженных поклонниц ее творчества».

- Читаемая, читаемая, не буду душой кривить, продолжала дама. У нас одна книга и три журнала с вашими рассказами, и они всегда на руках. Просим вас провести творческий вечер в нашем клубе.
 - Когла?
- Когда вы пожелаете, скромно потупилась вальяжная мадам. Мы согласны на все ваши условия.

Несколько жильцов с первого этажа, включая Риту с хныкающим Ленькой на руках, вышли на голоса и, прислушиваясь к разговору, перешептывались и переглядывались, их гримасы выражали усмешку и красноречиво вопили: «эта невзрачная и немолодая тетка с кошкой — известная писательница? Не смешите мои тапки!»

— Это так неожиданно. Я, честно говоря, не готова.

Дама, стоявшая с видом прилежной школьницы, уважительно продолжала:

- Не отказывайтесь, Анастасия Ивановна. Вечер должен получиться интересным, кроме вас еще выступит бард и пожилая актриса Лионелла Силантьева. Они уже дали согласие.
- Представьтесь, попросила Ася, наверное, вы заведующая библиотекой?
- Вы проницательны. Я Алла Андреевна, заведующая библиотекой, ну... это громко сказано, у нас всего три сотрудника, мы сами себе и заведующие, и библиотекари, и уборщицы. А это — директор клуба, Валерия Валерьевна, а это — наша активистка, Наденька.

Валерия Валерьевна, в темно-синем пиджаке и юбке, какие бывают у прокуроров, строгая и седая, похожая на работника какого-нибудь исполкома или следственного органа, кивнула головой. Она вызвала у Аси недоверие.

Такие дамы, убежденно-запрограммированные на политический курс партии, не читают легкомысленной прозы, только мемуары, или биографии современных политиков, или, тайком, эзотерику.

Наденька была вызывающе молодой, улыбчивой, ее бьющая жизнерадостность сглаживала официальный тон встречи. Она пощекотала за ушком трущуюся у ног Котьку и уже умильно тянула руки к скуксившемуся Леньке, но Рита брезгливо

развернулась и ушла, и спина ее красноречиво выражала неприязнь и даже враждебность.

- Клуб у нас замечательный, с библиотекой, с концертным залом, маленьким музеем, посвященным пионерии, с музыкальным классом и кружком юных техников, который ведет школьный учитель труда. Спасибо Валерии Валерьевне, она фанат своего дела, клуб финансируется благодаря ее давним административным связям. У нас и спонсоры есть, вы не думайте, мы вам заплатим, сколько пока неизвестно, но не обидим. Алла Андреевна была убедительна.
- Договорились, улыбнулась Ася. Я человек не публичный, почти затворница, но постараюсь, чтоб читателям было не скучно. А для этого нужно подготовиться.
 - Да, да, конечно, заулыбались и закивали дамы.
- Я бы хотела, чтоб вечер состоялся нууу... как минимум через неделю или лучше дней через десять. Завтра же я привезу свои книги и журналы, пусть желающие почитают. Тогда и разговор вполне может получиться.

Дамы уходили довольные, словно они и не надеялись на ее благосклонность, а получилось все неожиданно просто и беспроблемно. Теперь они восхищались тяжелыми гроздьями белых гортензий и оживленно обсуждали распустившиеся вдоль забора георгины. Ася уже задумалась, не дешево ли продалась? Согласилась сразу, поспешно, почти без условий, не обговорив сумму гонорара. Хорошо, пусть это будет ее маленькая благотворительность, подарок Островку от Анастасии Апраксиной.

Осенью она уедет, оставив о себе память, и, как знать, возможно, этот вечер прибавит ей известности и увеличит количество поклонников ее творчества.

Она хотела поехать в город завтра, с утра, но почему-то неожиданно решила не тянуть с поездкой и торопливо засобиралась в путь.

Час или чуть более — туда, да час обратно, да в городе час, долго ей там делать нечего, обернется до вечера. Котьку, после недолгих раздумий, решила запереть. Забрала ее из сада, где она гонялась за бабочками, и, положив на лежанку, объяснила:

— Я уеду, а ты, Бамбуся, жди. Приеду, и пойдем гулять.

Насыпала ей корма с запасом, налила свежей воды, закинула в дорожную сумку коробки с конфетами и печеньем и спустилась во двор к Степке.

Теплый, но пасмурный день, как обычно, грозил дождем. На дороге, накрытой туманом, не разогнаться. Может, это и хорошо: есть возможность отвлечься на раздумья. Рано она разволновалась. Обычно она никогда не загадывала наперед дальше одного часа. Тем более, Бог знает, что может случиться за такой долгий срок, как неделя.

Она не доверяла реальности. У нее никогда не было уверенности ни в ком и ни в чем. Сегодня ты планируешь и готовишься к следующему дню с уверенностью, что все пройдет прекрасно, иначе и быть не может. А назавтра все перевернется, изменится, принесет нежданные и нежеланные сюрпризы.

Сегодня ты видишь перед собой близкого и преданного друга, почти родственника, и даже завидуешь самой себе, уж как тебе повезло в этой жизни с друзьями, но не обольщайся и готовься, что в любой момент друг превратится в непримиримого врага. И момент этого превращения ты не сможешь ни поймать, ни проконтролировать.

Сегодня ты в веселой компании с вдохновением говоришь о высоком, а наутро твои слова перевирают на свой лад, до которого не опустится даже твоя изощренная фантазия.

Можно ли доверять собственной памяти, не сомневаясь, что память со временем не изменит твой взгляд на события, запутав, где правда, а где ложь.

Реальность иллюзорна, изменчива, непостижима.

Она не доверяла реальности. У нее никогда не было уверенности, что положенная в определенном месте вещь найдется именно там. Что определенная сумма денег, оставленная в сумочке, не уменьшится сама по себе, что реальность вообще такова, какой она была несколько минут назад.

Трижды она возвращалась и не обнаруживала Степку там, где оставляла: его забирал эвакуатор, и только однажды сама перепутала место парковки.

А еще она боялась желаний, сильных и страстных, исполнение которых вело к вершине счастья. По прошествии времени могло оказаться, что она снова желает очень сильно, даже еще сильнее, — но обратного.

Ася не любила события со знаком плюс, так же как и происшествия, несущие негатив. Сознавая, что избежать ни того, ни другого не получится, — чувствовала себя комфортно только в заунывной, бессобытийной стабильности. Она не доверяла реальности.

Трасса была свободна, но ближе к городу движение уплотнилось. Настроение как-то само собой сникло. В стороне от дороги уже возвышались единичные небоскребы-высотки, в воздухе пахло гарью и теплой пылью, и чем дальше — тем меньше зелени мелькало за окном и больше — унылого, серо-бетонного однообразия.

А ей все виделась туманная даль залива, и чувствовалось тепло упруго прижавшейся к ноге Котьки, и где-то далеко, на берегу, в ее воображении мелькнул стройный силуэт красивого юноши.

Окна ее квартиры на третьем этаже оказались распахнуты, оттуда слышались голоса и доносился странный звук, негромкое жужжание, словно работала бормашина. Она намеренно не позвонила Маринке заранее, чтоб застать их врасплох, и теперь страшилась, что это самое «врасплох» обернется для нее сердечным приступом.

Ася взбежала вверх по лестнице, открыла дверь ключом и замерла на пороге. Такого хаоса она не могла представить даже в своем богатом на фантазии воображении, хотя и была готова к подобному.

- Мама! Маринка выскочила ей навстречу. Мама, что же ты не предупредила?
 - Вот, хотела увидеть, что у вас творится.

Ася закинула сумку в ванную и протянула Маринке букет пионов, купленных на обочине трассы. Пол ванной был завален постельным бельем и одеждой, очевидно, предназначенной для стирки, даже дверь не закрылась из-за залитой чем-то вишневым то ли скатерти, то ли простыни.

На кухне сидели несколько человек выраженно-уголовной внешности, курили и пили из праздничных хрустальных бокалов жидкость сиреневого цвета. Пластиковые бутыли с сиреневыми остатками валялись тут же на столе и на полу.

Парни вежливо, и даже подобострастно, поздоровались и предложили ей кофе.

В большой комнате, которая по праву считалась Асиной, на диване лежало тело, и возле него, в шортах и в черной майке с белым, трафаретным черепом, чародействовал Кирилл. Тело было немытым, пахнущим прелыми носками, с лысой головой, все в татуировках, с кольцами в ушах и ноздрях.

— Что у вас здесь происходит?

Маринка, прижимая ко рту палец, взяла мать под локоть, отвела ее в сторону и взмолилась:

— Ради бога, не шуми и не скандаль. Кирилл татуировкой занят. Ты же нам не помогаешь. Вот и приходится крутиться. Прибыльное дело, между прочим. У Кирилла очередь на месяц вперед.

— Пусть освободят мою комнату, мне нужно побыть одной, — шепнула ей Ася. Кирилл увел татуированное тело к себе, и Ася наконец осталась одна. Она закрыла дверь и некоторое время сидела в компьютерном кресле, с тоской глядя на пустой письменный стол с сиротливой, замызганной клавиатурой.

В животе у нее дискомфортно засвербило, накатывала то ли тошнота, то ли душевный протест, в ушах занудно, с короткими перерывами жужжал зубной бор. И звук этот раздражал ее сильнее, чем скрежет железа по стеклу.

— Марина! — крикнула Ася. Встать, искать дочь у нее не было сил. — Марина! Подойди сюда!

Марина заглянула в дверную щель с кислым лицом:

- Чего?
- Где мой компьютер? Куда вы его дели, злодеи? спросила устало, упавшим голосом.
- Ой, да ничего не случилось, нашла из-за чего переживать. Кирилл заработает новый купим, чессслово, вернем. На что нам жить-то было? Где денег-то взять на роторную машинку и краски? Ты же нам не помогаешь! озираясь, не слышат ли ее посторонние, пробормотала Маринка притворно-виноватым голосом.
- Все, выйди из моей комнаты. Нет, стой! Ася, окинув взглядом комнату, провела ревизию стен, полок, шкафов со стеклянными дверцами.

Навскидку не досчиталась расписной тарелки, подаренной когда-то свекровью. По слухам, эта тарелка была из коллекции императорского фарфора. Исчезли настольные часы и древняя настольная лампа с зеленым абажуром.

— Марина! — крикнула Ася. Но получилось почти шепотом, много тише жужжания роторной машинки. — Я иду в полицию!

Маринка скрылась за дверью и через минуту вешала на стену уникальную тарелку.

- Где лампа и часы?
- Какие часы? Ты гонишь!
- Говори, где часы и настольная лампа двадцатых годов прошлого века?!
- Очень нам нужно это барахло! Выкупим. Завтра же. Кирилл столько зарабатывает, что тебе и не снилось.
- Может, дадите в долг? Ася уже вынимала из шкафа все свои книги и журналы. От каждого издания по одному экземпляру вернула в шкаф, остальное погрузила в сумку. Журналов насчитала больше десятка, книг всего три.
 - В долг? Мы же молодые, только начали подниматься. Есть ли у тебя сердце, мать?
 - Ладно, я уезжаю. В мою комнату не входить.

Ася подхватила две сумки: одну, тяжелую, спортивную — для библиотеки, вторую, легкую, с чистой одеждой и бельем — для себя.

Степка ждал ее возле парадной. На крыше его, ближе к лобовому стеклу, сидел голубь. Молоденький, сизый голубок косил на нее бусинкой-глазом и не двигался с места.

- Гуля, мне ехать надо, сказала Ася и щелкнула сигнализацией. Голубь не пошевелился. Ася закинула сумки на заднее сиденье, но садиться за руль не стала, поспешила назад, к парадной. Дома сняла со стен все иконы и бережно, переложив полотенцами, уложила одну за другой в просторную хозяйственную сумку. Закрыла комнатную дверь на ключ и с тяжелым вздохом спустилась вниз по лестнице. Голубь сидел на машине как приклеенный.
 - Гуля, что ты хочешь мне сказать?

Ася открыла багажник, поставила сумку с иконами и достала пачку печенья, чтоб накрошить на землю упорно не желавшему ее покидать голубю. Но только она разорвала упаковку, как птица взмахнула крыльями, бесшумно взлетела и исчезла за крышами домов.

Книги и журналы доставила в библиотеку утром. Торопливо, с тяжелой сумкой наперевес шагала к центру поселка в сторону, противоположную обычному маршруту. Ее сопровождал щебет, лай, крики детей, жужжание электрических пил — родные, привычные поселковые звуки.

Красотки-березы, скрыв лица длинными прядями, шептались и сплетничали. Оранжевая птица с длинным клювом увязалась за ней следом и, перепархивая с ветки на ветку, отчаянно убеждала ее: «Ссццц... счастье... тссчч... счастье... ессть».

Приземистое здание сразу за спортплощадкой не имело никакой вывески, однако Ася интуитивно поднялась на две ступеньки и, открыв дверь, сразу поняла, что не ошиблась.

Аллу Андреевну она нашла в маленьком кабинете перед читальным залом. Кабинет, с пачками списанной периодики на полу, с полками для редких изданий и полированным обеденным столом, на котором стоял новейший ноутбук, напоминал небольшой склад и, судя по всему, служил запасником, подсобкой и комнатой для чаепитий. Снова Алла Андреевна, увидев ее, уважительно встала и вытянулась как отличница у школьной доски.

- Замечательно, она искренне радовалась, бережно раскладывая на столе книги и журналы, сегодня же я попрошу Наденьку раздать читателям вашу прозу. Вы не волнуйтесь, вернем все в лучшем виде. Ну, может, кто-нибудь пожелает купить...
- ...тому подарю с автографом, расплылась в улыбке Ася. В последнее время ей часто хотелось улыбаться, так просто, без причины, и это было странно.
 - Прекрасно. Не хотите ли посмотреть наш клуб?
 - С удовольствием.

Прошлись по гулкому, пустому коридору, увешанному живописными панорамами Островка, здесь пахло школой, свежевыкрашенными партами и спортзалом.

Пришлось вежливо восхититься музеем пионерии и, чтоб казаться искренней, сочинить про ностальгию о веселом пионерском прошлом, о линейках и сборах под барабанную дробь.

Заглянули в концертный зал, небольшой, уютный, где ряды складных, мягких стульев поднимались ступенчато, и оттого зал напоминал университетскую аудиторию. Из музыкального класса раздавались вальсирующие звуки рояля и ритмично повторяющий голос учителя: «Раз, два, три, раз, два, три, раз, два, три».

Ася вспоминала школу, пионерские лагеря, безалаберность и бестолковость вожатых, почти таких же детей, как и они, все эти «равнение нале-ву, шааагом — марш!».

Вспомнила равнодушных учителей, тангенсы и котангенсы, классного руководителя — двуличную, ненавидящую детей — мужиковатую даму с красным лицом и неизменной указкой в руках.

Указка использовалась для того, чтоб колотить ею по столу, выражая недовольство. Но Ася была уверена, что училка в своих мечтах видит, как она с наслаждением колотит указкой по рукам, спинам и затылкам учеников, а те молча размазывают по лицу слезы и просят у нее прощения, быть может, даже на коленях.

Возвращалась Ася налегке по дорожке разбросанного среди сосен, красивого курортного поселка. Наслаждаясь теплом, тайком кивала деревьям, тем, которые притягивали взгляд и сами тянули к ней ветки.

Думала о том, как хорошо принадлежать себе, оставить позади бесправное детство и глупую юность, как хорошо отстраниться от всех, кто может отравить твое существование.

Тогда одного касания солнечного тепла бывает достаточно для погружения в тихое счастье. Именно таким и должно быть ежедневное состояние человека — все остальное плюс или минус, отклонение от абсолюта, своего рода — патология. Нет, это вовсе не означает, что жизнь оставила ее в покое, Ася не обольщается на сей счет. Кто знает, какие козни ее ждут впереди?

На спортивной площадке было оживленно. Шла игра в футбол, команды были одеты в разные цвета, судьи свистели, красавцы футболисты увлеченно носились по полю, девчонки восторженно визжали — все шло по правилам.

Неожиданно электрическое биополе бьющей через край, молодой энергии коснулось ее сути, оживило, напомнило о времени, когда хотелось отчаянно крикнуть кому-нибудь «я люблю тебя!», но крикнуть всегда было некому — и погасло.

нуть кому-нибудь «я люблю тебя!», но крикнуть всегда было некому — и погасло. С ней осталось нечто похожее, но приземленное, когда берешь в руки мобильный с желанием позвонить, но звонить, оказывается, тоже некому. Асю это не огорчало.

Дома она села за ноутбук и начала готовиться к творческому вечеру. Итак, какие вопросы могут ее ожидать? На всякий случай внимательно, делая пометки в блокноте, просмотрела на ютубе трансляцию творческого вечера известной писательницы. Писательница не говорила, но по-чеховски виртуозно вышивала своей речью по канве отпущенного ей времени, сыпала метафорами, яркими литературными оборотами и звездными именами-фамилиями — сплошь близкими друзьями и коллегами. Заслушаешься...

Нет, ей, безвестной одиночке-затворнице, до таких высот не дотянуться.

Нагулявшаяся Котька сама открыла дверь и тяжело прыгнула ей на колени. Котька была мокрой, усталой, и ее сердце под Асиной рукой стучало неспокойно и часто.

«Наверное, долго гонялась за мышью, или отбивалась от соседей, решивших ее погладить, или (о, ужас!) удирала от бродячих псов», — подумала Ася и протянула ей надкусанный горячий бутерброд с пармезаном.

Котька понюхала, брезгливо муркнула, что в переводе с кошачьего значило «сама ешь эту гадость».

Откинувшись на диванные подушки, Ася в полудреме смотрела черно-белый отечественный фильм с неспешным действием. Наконец глаза ее слиплись, блокнот из рук выпал, и она уснула под умиротворенные экранные речи и шум грибного дождя за окном. Рядом с ней, плотно прижавшись к ее боку, спал теплый, сладко посапывающий шерстяной комок, считавший себя маленьким отражением Аси.

Проснулась спустя пару часов. Лежала, лениво наблюдая, как лучи неяркого вечернего солнца переливались в складках капроновых занавесок, и фантазировала, как женщина, похожая на нее, проснувшись в номере марокканского или таиландского отеля, так же смотрит за окно и видит вечернее солнце, запутавшееся в шелках занавесок, зовущее на вечно теплое побережье бескрайнего океана.

Идти к заливу решила одна, Котька все еще спала, вытянувшись во всю кошачью длину. И даже передние лапы ее тянулись когтями вперед, словно она во сне поймала мышь и боялась выпустить.

Вечер был почти жаркий. Ася прошла в обход, по дорожкам бывшего санатория, мимо обветшавших деревянных корпусов, мимо обвалившейся сцены и сломанных скамеек, мимо дощатого танцпола, который в прежние времена назывался танцплощадкой. Раздумывала и фантазировала, даже повальсировала на дощатом настиле под собственное мурлыканье «Амурских волн».

На побережье звучала музыка, молодежь играла в мяч, дамы выгуливали декоративных собачек с бантиками и заколочками, редкие смельчаки плавали далеко от берега в золотисто-солнечной, закатной купели.

Ася, в пляжной юбке со смелым разрезом, в бирюзовой майке, миниатюрная, со струящимся по спине длинным хвостом русых волос, со спины напоминала девушку.

Бесцветное, незапоминающееся лицо ее отражало скорее внутренний возраст, чем настоящий, календарный, Ася знала об этом, но не приписывала эту заслугу себе.

Она верила ученым, утверждающим: замедлившееся старение человека можно объяснить снижением в атмосфере кислорода и увеличением в продуктах питания химических веществ, останавливающих их порчу. И все же ее возраст выдавали волнистые седые пряди и нечто неуловимое, усталое во всем образе, в сутулости и походке.

Она, рассеянно улыбаясь своим мыслям, иногда кивая головой в ответ на приветствия незнакомцев, неспешно брела по влажному песку кромки залива, усыпанной щепками и ракушками. Долго и отрешенно стояла на краю мыса, наслаждалась звуком ласково плескавшейся у ног воды, простором безграничной синевы, которую мысленно пропускала сквозь себя, становясь сама этой ветреной синевой, легкой и летящей, как в детском сне.

Узкая и длинная тень легла рядом с ней на песок. Парень в черных джинсах и распахнутой белой рубашке подошел к ней слишком близко, так что Ася сначала ощутила эту близость, исходящее от нее тепло, и, кажется, даже услышала дыхание, и только потом, повернув голову, увидела его. Рядом стоял Романтический Повеса.

Шелковистая ткань его трепетавшей на ветру рубашки касалась ее плеча и руки. Ася замерла. Как понимать, он преследует ее или эти встречи — случайные недоразумения? И что если он пришел раньше и с усмешкой наблюдал, фантазируя, как она напряженно ждет его приветствия.

- Здравствуйте, писательница.
- Привет, ответила Ася и, выдержав для приличия несколько секунд, чтоб ее уход не сочли паническим бегством, пошла прочь. Он, не сделав за ней ни шагу, торопливо проговорил:
 - Та, что: «Не бухай! Такой должна быть одиннадцатая заповедь?»

Его голос прозвучал более низко и серьезно, как бывает с ребенком, старательно копирующим старших, или державшимся из последних сил, изрядно выпившим мужчиной. Кажется, он даже заикался, или ей показалось?

Пришлось остановиться.

Из какой повести эта цитата: из «Наваждения» или из «Белой вороны»? Нет, не помнит.

— Что значит «не бухай»: не пей, не кури или не колись и не нюхай? Все эти понятия разные.

Несколько шагов — и он оказался рядом.

- Тебе какое предпочтительнее? Ася спохватилась, зря она с ним поприятельски, на «ты», но было уже поздно, да и вырвалось это «ты» естественно и непроизвольно, значит жалеть не о чем.
- Нууу... выкурить косяк предпочтительнее, снова как ребенок, но растерянный, которого застали врасплох и заставили оправдываться.
- Не ври, я видела тебя сегодня на стадионе, ты играл в футбол. И это было красиво.

Ей показалось, что порыв ветра донес до нее едва уловимый запах алкоголя, и она зашагала прочь так быстро, словно и вправду захотела сбежать.

8

Два дня дождь поливал непрестанно, истово мстя за все упущенные солнечные дни и часы. Асю знобило как в детстве. «И дался мне этот Островок, — сокрушалась она, — лучше бы за эти деньги в Турцию слетала или в Коктебель на пару недель».

Закутанная в плед, она сидела в кресле, отрешенно щелкала пультом телевизора и вспоминала, почему она выбрала именно Островок.

Как-то, проезжая обычный поселок, раскинувшийся на вершине холма, она припарковала Степку на обочине, вышла и замерла. Озеро правильной круглой формы в обрамлении высоких камышей, подернутое легкой рябью волн, плескалось в уютной чаше — и не проливалось. Над озером кружили чайки, и барашки серых облаков кокетливо смотрелись в его воды.

За озером темной, шершавой бирюзой до самого горизонта простирался лес. Правее — туманный простор с ровной асфальтовой дорогой, устремленной вниз и неведомую даль. Еще правее пологий склон, заросший деревьями, за которыми сверкал золотыми луковицами монастырь.

Чуть ниже — сады и беспорядочные крыши домов. Морская даль, слившаяся с небом. Полоски кораблей на рейде и резво снующие рыбачьи лодки и катера. Куда ни повернешь голову — дух захватывает!

Она вдруг ощутила чувство зависти ко всем живущим здесь жителям. Какой роскошью они владеют! Красота и тишина, прерываемая лишь криками петухов, стрекотанием кузнечиков и легким, как шелест шелка, пахнущим дальними странами бризом с залива, казалась недосягаемой.

Возвращаться в свой домашний вертеп, к дочери и зятю, которые сидели безвылазно дома, развратившись в безделье, а от скуки развлекались сомнительными гостями, скандалами и ссорами, — расхотелось.

А тогда, туманным июньским днем, колокола монастыря в поселке заливались звоном, веселым, переливчатым и степенным, басовитым. Колокольный звон она приняла как сигнал: «Оста-вайся...»

«Вот возьму — и останусь здесь на все лето! И буду завидовать самой себе», — подумала Ася. Она объехала весь поселок, и чем больше она крутилась, втискиваясь в узкие улочки и закутки, въезжая на холмы, спускаясь в долины садов, колеся мимо домов, заборов, колодцев, мимо монастырской стены и полуразрушенной древней крепости, проезжая площадь с рынком, поле, засаженное подсолнухами, и другое — вспаханное и тоже чем-то засаженное, над которым галдели грачи, — тем дольше и упорнее ей не хотелось уезжать из этого райского места.

Ася навела справки по съему жилья, и ей указали на дом Люды.

И вот она уже научилась не обращать внимания на туманную морось, на чужие крики и скандалы, на ночные вопли незнакомых дам с первого этажа, на постоянный плач Леньки. Она научилась избегать нежелательных встреч и обходить стороной снующих по двору соседей. Вот только дождь обойти стороной не получалось.

Со временем она научилась не замечать недобрые, враждебные взгляды жильцов. Даже разобралась, откуда взялась эта неприязнь. Оказалось, из-за машины: выезжая со двора, Степка отравлял жильцам воздух и нарушал своим рокотом их покой и утренний сон.

А еще из-за щелкавшей клавиатуры. Ее работа раздражала соседей больше, чем ночные дебоши супружеской пары садомазохистов.

Но писательство — ее спасение, ее видоизмененный плач, и не писать она не может, даже если все соседи разом начнут долбить черенками швабр в тонкие стены ее обиталища. Так брошенный щенок не может не скулить в поисках еды и тепла.

«Алевтина догладила крахмальное белье, убрала аккуратную стопку в шкаф и пошла на кухню, взглянуть, что там творится.

— Здравствуйте, Алевтина Павловна. Очень вкусный у вас суп, вкусно вы всегда готовите. — Антон в знак благодарности смотрел вежливо и немного за-искивающе. Уплетают, только ложки стучат. Хлеб нарезан крупными ломтями,

поверх— масло, да еще по большому куску колбасы. Ладно, пусть едят, не жалко, потрепала их по вихрастым затылкам.

— Ешьте на здоровье.

Баська крутился на кухне как заводной, клянчить со стола ему запрещалось, но не строго, а потому он вертелся возле Мишиных ног в надежде на подачку. Алевтина за ошейник вытащила щенка с кухни и, пытаясь сдержать раздражение, заявила: «Поедите, тарелки в раковину сложите. Миша, выгуляй Баську, надоел он мне, дикий совсем, всюду лезет, все грызет, нагуляй его, чтоб спал как убитый».

— Ма, мы сейчас в футбол играть убегаем. Вот приду, тогда погуляю с Баксиком, ладно? — И другу своему: — Тоха, давай быстрее, нас ждут.

Сорвались с места, даже чай не допили. Антон уже на выходе крикнул:

- Ой, это самое, спасибо, Алевтина Павловна, все было вкусно, - и дверь захлопнулась.

Алевтина перемыла посуду, вытерла за щенком очередную лужу и начала одеваться, несмотря на то что начинался ее любимый сериал.

Скомандовала «Гулять!». Баська стрелой вылетел из квартиры, еле удержала поводок. Погода стояла пасмурная, не по-летнему холодная, пронзительный ветер кружил въедливый тополиный пух, который даже мелкая морось не могла прибить к асфальту. Алевтина отцепила поводок, Баська сорвался вглубь двора и, пробежав пару кругов, вернулся несколько успокоенный.

«Домой!» — скомандовала Алевтина, но песик, по своему обыкновению, не отреагировал на неприятный для него приказ. «Домой!» Схватила за ошейник, пытаясь тащить к подъезду. Но толстый Баська сопел и упирался. «Домой, Баська, домой!» Пыталась поднять его на плечо, чтоб отнести домой, но только зря испачкала кофточку о грязное Баськино пузо, тяжелый собак выскользнул из рук и умчался от нее прочь.

«Ну, как хочешь!» Алевтина постояла несколько минут, скорее, для успокоения своей совести, собак не вернулся, и она скрылась за дверями парадной...»

До творческого вечера оставались считанные дни, и Ася постаралась провести их с пользой. Подготовила конспекты, перелистала свои повести и рассказы.

Навела справки про Лионеллу Силантьеву, решив заранее познакомиться, но, узнав подробности, передумала. Актриса жила в поселке отшельнически тихо, нелюдимо. В молодые годы она сыграла несколько вовсе не второстепенных ролей, — все больше женщин волевых, устремленных «железных леди», — соответствующих ее истинному характеру.

Ася видела ее однажды у магазина и, конечно, никогда бы не узнала, если б не шушуканье прохожих: «Силантьева, Лионелла Силантьева, она!» «Не может быть» — Асю поразило лицо, бледное и безжизненное, старчески безобразное, с взглядом, смотревшим из провалов глазниц колко, зло и надменно. И трость в ее корявых руках выглядела скипетром.

Про актрису в поселке знали все, что ее сын — безнадежный, пропащий алкоголик, обитает где-то в городе, что она — одинока, бедна, помощи не принимает, гостей не привечает, что ее личная жизнь, несмотря на множество замужеств, так и не состоялась, продемонстрировав полный крах попытки связать брачными узами талант, красоту и достоинство.

Ася, глядя на нее, думала о том, что судьба наказывает гордых, стараясь уравнять все пики взлетов и падений противовесами: так, у красавицы-модели с мировым именем младшая сестра — уродливая калека-инвалид, у талантливой «железной леди» сын — безвольный пьяница, а у нее, Аси, вечной послушной тихони, — дочь строптивая эгоистка.

И спрашивать «почему так?» — бессмысленно. Таковы правила игры, придуманной не нами.

На всякий случай Ася позвонила дочери, сообщив о творческом вечере.

- Приезжайте, будет не скучно. Послушаете известного барда Богдана Любича.
- Денег на карточку кинешь? Приедем!
- Ты же хвастала, что Кирилл хорошо зарабатывает.
- Ну, мать, мы же молодые, шмоток накупили, да хавчика, да пива, все и ушло незаметно. Это тебе, старой, ничего не надо.

— Ладно. Кину. Приезжайте.

На третий день к полудню туман рассеялся, дождь прекратился. Полулежа смотрела Островского «На бойком месте». Любимая классика. Но откуда это раздражение? Что не так? Не слишком ли часто герои Островского подсматривают и подслушивают? Подслушивать и подсматривать на своих произведениях наши классики учат с малолетства. Даже царь у Пушкина не брезгует крадучись пробраться к девичьей светелке поздно вечерком, чтоб подглядывать и подслушивать. С этого момента и начинается развитие всего сюжета. Сказка Алексея Толстого, наоборот, не смогла бы завершиться так счастливо, если б Буратино не подслушал разговор Карабаса с Дуремаром и не узнал великую тайну о Золотом Ключике и заветной дверце.

Про одного Чехова, пожалуй, нечего сказать. Ася села к компьютеру. Набрала в поиске несколько слов и открыла страницу. Ага! Есть! В рассказе Чехова «На кладбище» встречаются такие комментарии к надгробиям: «Бедняга пал жертвою своей наблюдательности. Однажды, подслушивая, получил такой удар двери в голову, что схватил сотрясение мозга (у него был мозг) и умер».

Ася сохранила свои мысли в виртуальной папке под названием «Литературоведение». Довольная, с чувством выполненного долга зевнула, скосила глаза на диванные подушки, глянула с прищуром на стены в солнечных бликах и заставила себя встать и переодеться.

Народ, обрадованный ярким солнцем, сыпал на улицу со всех дворов и домов. Миновав рощу, Ася остановилась в ажурной тени сосен и еще до выхода на пляж увидела Повесу. Он увлеченно играл в волейбол с группой таких же молодых и красивых, словно только что сошедших с Олимпа, парней и девушек.

И когда они успели загореть? Да, красивый, ну и что. Красивые распустились у Люды в саду лилии и георгины — поцветут с неделю да и зачахнут. Времени на их любование отпущено — один миг. Но внутренний голос вкрадчиво дополнил: «Полюбуешься один миг, а радость в душе останется навсегда».

Скамья под соснами оказалась пустой. Ася присела на краешек, не раздумывая, на автомате. Она контролировала свои мысли, но не контролировала действия.

Конечно, Романтический Повеса дан ей как искушение, во имя потери здравого смысла. Но ей нечего волноваться, душа ее укатана в асфальт, на ней ничего не прорастет. Потому, без страха впасть в зависимость, она может любоваться молодостью и красотой сколько угодно.

Народ все прибывал. Зазвучала музыка. Молодежь, отбросив мяч, дурачась, толкаясь и смеясь, гурьбой понеслась к заливу. Повеса на бегу обнимал за плечи нежную и тоненькую девушку. С криками и визгом ворвались в волны залива, скрывшись за стеной поднявшихся брызг, поплыли вдаль. Асе было весело наблюдать за этой кутерьмой, она улыбалась, а мысленно хохотала во весь голос: «Ну, не пьяные?! Пьяные, от бьющих в голову гормонов, от запущенного на всю мощность молодого аккумулятора, заряженного под завязку самой мощной двигательной энергией».

Ася отправилась на мыс. Она прихватила с собой кусок батона и с азартом кормила чаек, в мыслях уносилась с ними над морем и парила, парила, глядя

сверху вниз на земное копошение. Потом прошла по берегу до маяка, мимо лодок и катеров, долго сидела на опрокинутой лодке, наблюдая, как пожилая бабуля, маленькая, щуплая, одетая в старое несуразное платье и вытянутую вязаную кофту, ходила вдоль берега, таща за собой пакет и складывая в него мусор. Поздоровались.

 Дождливое в этом году лето выдалось, — сказала Ася, чтоб начать разговор. А, вся наша жизнь — сплошной дождь, — мудро заметила старушка, мах-

нув рукой.

Ася с удивлением узнала, что бабуля волонтерила по доброй воле.

— Времени свободного много, а хочется быть полезной, как же, без этого нельзя.

А еще все бродячие коты на мне, кормлю их всегда в одно время. Ася порылась в маленькой сумочке, что висела на плече, вынула сотенную

бумажку:

— Возьмите для котов. Спасибо вам. Удивительная вы женщина.

— Спасибо, возьму.

Возвращалась назад, еле волоча ноги. Нелегко это — идти по песку, да в сабо, которые норовят слететь с ноги. На выходе из пляжной зоны, у шлагбаума, ее схватили за руку.

 Привет, писательница. Ася высвободила руку.

— Хватит меня преследовать. Хочешь новую цитату? «Отвали!»

Шла, ускорив шаг, не останавливаясь и не глядя в его сторону. Даже про усталость забыла.

- Я преследую? С чего ты взяла. В этой деревне хочешь не хочешь все толкаются и трутся друг о друга.
- Я живу в доме с множеством соседей, но никто мне не встречается так
- часто, как ты. Неинтересен? — Повеса слегка обогнал ее и, наклонив голову, с усмешкой
- пытался заглянуть ей в глаза. Не верил в искренность ее холодности и равнодушия.
 - Неинтересен.
 - Хм... Может, на вкус мадам недостаточно брутален?
- Волосы коротковаты. Когда отрастишь ниже плеч тогда подкатывай! ляпнула первое попавшее, необдуманное.
- Да кто к тебе подкатывает-то? Волосы... Через полгода будут до пояса. И вообще, я скоро женюсь. Отец заставляет.
- Поздравляю, Ася, еле сдерживая смех, невольно хихикнула, по-дурацки глупо, но так уж получилось. — Прав твой отец.
 - Да все ты врешь, читал я, знаю, что ты думаешь по этому поводу.
 - Что?
 - То же, что и Паустовский, что «лучшее средство от любви брак».
 - Молодец, начитанный мальчик. Всего доброго, мне налево.
- Пока! И зачем тебе нужен этот творческий вечер? Да еще в такой компании. Да еще в субботу?! Думаешь, кто-нибудь придет?
 - До свидания.

А ночью приснился эротический сон. Юное, глянцево-упругое тело, загорелое и гибкое, как тело змеи, проникало в нее всею сутью. Давно забытое, ненасытное чувство близости.

Но сначала... сначала был танец, то ли на палубе корабля, то ли на шатком санаторном танцполе. Они двигались легко, гармонично, волнующе. Парили и кружились, как парит мелкая, невесомая осенняя листва ветреным днем. Да, они были листвой, а может первой снежной метелью, молодой и легкой.

Она никогда так не танцевала, она не умеет так танцевать, это была не она, но какая-то другая, незнакомая особа из другой жизни, и все же — она.

Она, еще пребывая в двух реальностях одновременно и стараясь разорвать тонкую границу-паутину, отделяющую ее от действительности, сделала движение рукой и сразу открыла глаза.

Ее окружал громоздкий, грубый, но привычный мир. Села на диване, дыша тяжело, словно после забега на длинную дистанцию. Вынула из шкафа рыночную бутылку рябины на коньяке, отхлебнула. «Прочь, прочь, прочь искушение!»

Включила компьютер, пробежала глазами по готовому тексту и, стряхнув наваждение, быстро защелкала клавиатурой, не пытаясь строить красивые фразы, не задумываясь, то ли она пишет, и не боясь нарушить чуткий сон ранимых соседей.

«С этих пор Бакс вечерами стал гулять один. Бегал к помойке, играл с соседской болонкой Лаской, с огромным старым, лохматым и ленивым псом Тихоном, гонял кошек и ворон, а набегавшись, возвращался к знакомой двери, садился смиренно и терпеливо ожидал хозяйку. Если Баськи не было в пределах видимого обзора больше получаса, Алевтина выходила во двор, и старый Тихон иногда помогал ей в поиске беглеца.

«Тиша, позови-ка Баську». Тихон несколько раз отрывисто лаял куда-то в сторону, и тут же, весело перебирая своими куцыми толстыми лапами, собак появлялся в поле зрения».

9

Утро долгожданного дня было обычным, ветреным и серым. То ли утро, то ли вечер, не то осень, не то весна. Ася спланировала все заранее: это будет праздник и для нее, и для всего близкого окружения.

Она встретит Маринку с Кириллом, накормит, покажет им все здешние красоты, рассеет в их лицах скуку, разбудит детские желания бегать, смеяться, взбираться на курганы и смотреть вдаль с высоты крепостных стен.

Потом даст им свободное время, а сама пойдет в парикмахерскую, отдохнет перед выступлением, и вечером они все вместе поедут в клуб. А после — соберет в беседке всех желающих, и праздник, с песнями и поздравлениями, продолжится.

А еще можно будет ночью на берег пойти и устроить салют. Для этого случая Ася привезла из города несколько петард в качестве сюрприза и спрятала их за сараем — подальше от дома, очень боялась, вдруг взорвутся?

Вначале все шло по плану. Она встретила их на автобусной остановке, расцеловала, проводила в дом, показала сад, ажурную лестницу и балкон.

Пара поначалу вела себя настороженно и напряженно, потом расслабилась. Кирилл все время зевал, а Маринка как заведенная твердила: «Мам, дай денег. Сигареты кончились», или «Мам, дай денег, нужно на мобильный кинуть».

Поехали смотреть монастырь, канючит: «Маам, дай денег, я видела на рынке маечку прикольную».

Везет их в сторону крепости и древних курганов, куксится: «Ну зачем нам эти развалины, это тебе, старой, интересно, но не нам. Дай лучше денег, ты же обещала, мы сами все купим и сами все посмотрим».

Ася терпела. Терпела, даже когда у нее началась тахикардия, терпела, когда появилась дрожь, аритмия и пульсация в висках. У шлагбаума Маринка в очеред-

ной раз взбрыкнула и отказалась выходить из машины с одним лишь аргументом: «Лостала!» — и Ася все поняла.

Нельзя, нельзя насильно устроить праздник по своему образу и подобию тем, кому это не надо. Маринка была средством ее угнетения, и более ничем. Своей цели она почти добилась, но ей было мало, она не уймется, пока не выполнит свою задачу и не отравит ее праздничный день окончательно.

— Убирайтесь! — сказала Ася тихо и с каменным лицом. — На карточку я вам кинула и даже не услышала спасибо. Больше вы от меня ничего не получите. Убирайтесь!

Маринка притихла.

- Мать, ты чего? Отвези хотя бы до трассы, мы вообще-то сюда приперлись ради тебя.
 - Не надо мне одолжений. Ради себя вы приперлись.

Маринка потащила за рукав зевающего Кирилла:

— Пошли, ну ее, сами доберемся. Мать! Есть ли у тебя сердце, мать?! — ...и хлопнула дверцей так, что Степка вздрогнул и обиженно качнулся.

Ася выгребла за ними пустые пивные бутылки, окурки, конфетные обертки и вернулась к себе. Упала на диван лицом вниз и лежала так весь день, лежала бы и вечер, и всю ночь. Внутри кипела обида и злость на Маринку, на себя, на весь мир, на зрителей, которые придут в клуб, и на тех, что не придут, на дождь и на черта в ступе.

Зря она так долго и тщательно готовилась. На стуле уже висело ее любимое платье, и легкий шарфик в нетерпении источал нежный аромат, и светлые туфли зеркально отражали оконные блики, и даже тонкие, с едва заметным рисунком, колготки ждали момента, когда их вытащат из упаковки и натянут, чтоб придать немолодому, слабому телу обманчиво-заманчивую упругость. И теперь все приготовления казались лишними. Может, вовсе не ходить?

За час до начала Ася заставила себя встать. Оделась просто и агрессивно, в соответствии с настроением: черные брюки и черный джемпер. Седеющую шевелюру взлохматила, слегка пригладила щеткой и стянула в привычный тугой хвост, выпустив на висках случайные, ретивые завитки. Очки на лоб. Вот так, и ничего более. Строгий, деловой вид без претензии на кокетство и заигрывание с публикой. Прихватила с вешалки длинный прозрачный шарф в темно-синих, серебристых разводах, обмоталась, — вот и украшение, — и, не глядя в зеркало, вышла. Прилетевший со стороны залива порыв ветра свежий, влажный, взметнул концы шарфа, приласкал лицо. Уже закрыла дверь на ключ, но вдруг вернулась. Захлопнула крышку ноутбука, взяла с собой, — и снова на выход.

У клуба ее встречала Алла Андреевна. Стояла с торжественным видом, прилежно вытянув руки по швам.

- Ждем вас, Анастасия Ивановна, все уже в сборе. Волнуетесь?
- Да, немного, уважительно соврала Ася, засмотревшись на плакат со своим именем. В голове навязчиво крутилась, мешая сосредоточиться, мысль: забыла, что-то она забыла. Зря притащила ноутбук. Лучше бы Котьку с собой взяла. Многие писатели так делают: садят на колени кошку, чтоб она снимала напряжение и разряжала обстановку. Все-таки она забыла что-то важное. Но что?

Прошли через черный ход, кулисы, вышли на сцену. Здесь за длинным низким столом уже сидели бард Богдан Любич с гитарой и Лионелла Силантьева.

Любич — свой в доску парень, причесан кое-как, одет нарочито простецки, в рваные джинсы и несвежую оранжевую футболку с длинными, вытянутыми рукавами и рисунком на груди. От него слегка разило. Ася прищурилась, всматриваясь в рисунок, но лучше бы не делала этого. Она разглядела коллаж —

абстракцию с двусмысленными символами и недвусмысленными надписями на английском.

Лионелла Силантьева, надменная, гладко причесанная, с прямой спиной, опиралась обеими руками на трость. Голову ее старчески потряхивало. Наверное, старушку слишком приперло безденежье, если она снизошла до сельского клуба и сидящего рядом с ней нетрезвого гопника.

Ася поздоровалась, села рядом с актрисой и занялась компьютером.

Зал был скрыт занавесом, и казалось, за ним никого нет, такая там царила тишина. Алла Андреевна успокоила: «Идет, идет народ. Подождем еще немного, пусть соберутся. Итак, выступаем по очереди, Богдан для разогрева, потом наша актриса, потом Апраксина. По времени ограничения нет, работайте со зрителем, пока есть интерес. После выступлений отвечаете на записки, если будут. Запомнили? После — покажем старый добрый фильм с нашей актрисой. Я здесь, поблизости, буду держать ситуацию под контролем».

Ася установила ноутбук, и как только на экране засветилось приветствие, она тут же вспомнила, что именно она забыла: все конспекты, шпаргалки для вопросов-ответов оставила дома.

Плевать, — неутихающая злость, захватив все эмоции, накрыла ее полным равнодушием. Так даже лучше. Если вопрос ей покажется сомнительным, она, смиренно опустив глаза, потупившись в пол, скажет: «Простите, не знаю, что сказать, лучше промолчу».

А пока — открыла страницу с компьютерными играми, выбрала «маджонг титан», отключила звук и сама отключилась от внешнего мира.

Очнулась, когда услышала робкие аплодисменты. Занавес оказался открытым, а Алла Андреевна — в шелковой блузке с бантом и на шпильках, — вдохновенно жестикулируя, говорила о культурных традициях поселка, об известных творческих людях, выступавших на этой сцене, о том, как повезло сегодня всем пришедшим, они могут задать почетным гостям любые вопросы. И что в заключение вечера зрителям покажут ставший культовым фильм шестидесятых, в котором присутствующая здесь актриса играет яркую и запоминающуюся роль.

Тут же, на сцене, суетился режиссер местного масштаба, настраивал камеру и микрофон. Наконец сцена освободилась, оставив почетных гостей один на один с публикой и предоставив возможность заглянуть в зал.

Зал оказался так себе, не пустой, не полный. Полностью занятыми оказались только первые ряды, на них чинно сидели напомаженные, нарядные пенсионеры в галстуках и брошках, с букетами цветов, в центре зала сидела небольшая группа лиц, отмеченных респектабельным аристократизмом. В глаза бросались длинные платиновые волосы, темные одежды, застывшие, словно карнавальные маски, неулыбчивые лица.

— Богдан, сбацай что-нибудь! — раздалось откуда-то сверху.

Богдан подошел к микрофону. «Что сбацать-то?» Асе стало неспокойно. Она наблюдала за певцом одним глазом и ждала: вот сейчас он качнется или запутается ногами в проводе и уронит микрофон, быть может даже свалится со сцены в зал. Мысленно она уже видела две торчащие вверх ноги в дырявых носках. Но он вдруг ударил по струнам и запел ангельски-чистым голосом:

Мне жаль, что тебя не застал летний ливень в июльскую ночь, на Балтийском заливе... Не видела ты волшебства этих линий. Волна, до которой приятно коснуться руками, Песок, на котором рассыпаны камни. Пейзаж, не меняющийся здесь веками...

... Всадник замер. Замер всадник, реке стало тесно в русле. Кромки... грани... Я люблю, не нуждаясь в ответном чувстве.

После небольшой паузы раздался восторженный рев и свист. Богдан спел еще пару песен, «чужих, не своих» — подумала Ася, песни эти она уже когда-то слышала в другом исполнении. Зрители не отпускали певца, и он безотказно пел, в перерывах вытирая салфеткой мокрый лоб. Зал стал заполняться публикой, ряды уплотнились, очевидно, гуляющий люд услышал живое пение и повалил в клуб.

Наконец микрофон передали актрисе, но неожиданно несколько человек вскочили с мест. Каждый старался перекричать другого и задать вопрос. Белокурая, в завитушках, девушка, похожая на куклу, подняла вверх руку, подпрыгнула и крикнула: «Дайте мне!» Остальные отступили, затихли.

— У меня вопрос к Анастасии Апраксиной: мне интересно, что значит ощущать себя писателем. Мне кажется, быть писателем — значит, пребывать в каком-то особенном мире. Я видела писателей — они все не от мира сего. Я, например, тоже пишу, и у меня есть свой круг читателей, но, наверное, по молодости лет я еще не разобралась, нужно мне это или нет.

Ася подошла к микрофону. Вообще-то ей бы хотелось остаться на месте, к тому же микрофон оказался слишком высок для нее. Выручил режиссер, он вовремя подскочил и ловко настроил нужный уровень.

- Вы правы. Быть писателем значит жить в своем мире, творческом. Думаю, это относится и к актерам, и к бардам, сочиняющим песни. Если я неправа, пусть меня поправят, Ася многозначительно обернулась назад.
- С виду ты ничем не отличаешься от остальных, так же ходишь, то же говоришь, слышишь в ответ стандартные фразы, видишь косые взгляды, вместе со всеми проживаешь серые будни. И вдруг понимаешь, что находишься в гостях, на периферии, где все не твое, где фальшиво и скучно, куда бы ни сунулся. И хочется удрать в свой мир, где все самое интересное, подлинное, настоящее, где происходят самые главные события, о которых люди еще не знают. Попадая туда ты попадаешь к себе домой, в центр галактики, вокруг которой вращается остальная периферия... Это сугубо мое мнение.

Еще думаю, писатель отчасти является Сотворцом, он создает миры и своих героев и воздействует незаметно, исподволь. Про себя я могу сказать, что в детстве много читала. Надеюсь, мои книги тоже кого-то привлекут. Чему-то научат. А насчет того, нужно вам это или нет — разберетесь, на этот вопрос вам никто не ответит. Писательство — тяжелый моральный, интеллектуальный и даже физический труд.

Ася вернулась к столу, но не успела сесть, как другая девушка уже кричала с места:

- Анастасия Ивановна! С ваших слов получается, ваш мир особенный, а мы обитаем среди фальши и скуки? Да, мы простые смертные, у нас семьи, нетрезвые мужья, беременные жены, орущие дети, борщи и щучьи хвосты на подоконниках что же нам теперь делать, куда деваться?
- Да, без паузы ответила Ася, в этом мире много фальши и скуки, и каждый спасается как может. Кто творчеством, кто спортом, кто работой, кто политикой, кто шопингом, а кто алкоголем, наркотиками. Мы все здесь, на Земле, простые смертные, собратья по несчастью и должны помогать не только близким, но всем, кто нуждается в нашей помощи, кошкам, собакам, птицам...
- Что значит все мы здесь, на Земле, собратья по несчастью? Вы бы не заговаривались и не судили по себе. Я, например, счастлива, и дети мои тоже!

Ася не поверила своим глазам, это кричала с первых рядов Молодая Развалина, с которой они познакомились на побережье.

- Я рада за вас, Ася улыбнулась проникновенно и кивнула головой, давая понять, что помнит их беседу на скамейке и про то, как та счастлива с больными ногами, лишним весом, высоким давлением и сахарным диабетом. А главное, как счастливы ее дети и муж, вынужденные с утра до вечера обслуживать потребности Молодой Развалины. Как ваше давление, Лидия? Щитовидка перестала шалить?
- Спасибо, что вы раздали свои публикации! вещала уже другая дама, из вип-группы, сидевшей в центре зала. Ася возрадовалась («значит, читали, значит впечатлило!»), но, как оказалось, слишком рано возрадовалась.
- Я бы никогда не узнала, что есть такие циничные авторы, как Анастасия Апраксина. Ваша проза оскорбительна. Она оскорбляет род человеческий. Она противопоказана для чтения, особенно молодежи. Сейчас многие хотят дешевой славы любой ценой, и вы из их числа. Только зря стараетесь, никто вас не знает и не читает.

Зал заволновался, зароптал.

— Если вы позволите, — продолжала дама, — я прочту маленький отрывок, и тогда вопросов к этой, с позволения сказать, авторше, больше не будет.

К микрофону, откуда-то сбоку, поспешно вышла Алла Андреевна, ее лицо

- Прошу зрителей отнестись к уважаемым гостям с почтением. Даме следует извиниться перед писательницей, нашей землячкой, честно, без прикрас описывающей женские судьбы. Иначе извиняться придется мне.
- Нет-нет! испуганно вскрикнула Ася. Она и в самом деле испугалась, что разговор оборвется на самом интересном месте и царившую непосредственную атмосферу поглотит скучный официоз. Мне очень интересно слышать неравнодушное мнение. Не нужно извиняться и мешать нашей искренней дискуссии, думаю, многим хотелось бы услышать скандальный отрывок, и мне в том числе. Дама, читайте, мы вас слушаем!

Ася сняла со лба очки и, улыбаясь, смотрела в зал. Ее охватило радостное возбуждение, как перед битвой, финал которой уже предрешен, и ее победные фанфары уже трубят, только их никто не слышит.

Алла Андреевна, пунцовая, оглянулась, укоризненно покачала головой и удалилась. «Что сие значит? Она уже сожалеет, что пригласила в клуб скандальную авторшу? Или она выразила к ней сочувствие? Впрочем, не все ли равно», — подумала Ася.

— Итак, отрывок из «Белой вороны», — громко отчеканила оратор.

«Безобидная проза про несовременную героиню, окунувшуюся с головой в виртуальный мир знакомств, что они нашли в ней опасного?» — подумала Ася и с интересом устремила взгляд на негодующую даму.

— «Возле кабинета психоаналитика, в маленькой приемной, кроме меня, сидели еще двое. Судя по всему, супружеская пара. Я взглянула на них — и мне стало тошно от одного их кислого вида. "Да разводитесь вы уже, нечего канителиться!" — пронеслось в голове, но тут я обратила внимание на заметно выпирающий живот женщины — и меня чуть не вырвало».

«Не может быть!» «Какой цинизм!» «Ничего святого!» «Позор!» «Да есть ли у нее дети?» — раздалось со всех сторон. Зал колыхался. Ораторша торжествовала. Богдан качал ногой и смеялся. Актриса потряхивала головой. Ася дождалась, когда вопли стихнут, не вставая с места, невозмутимо, глядя в лицо публике, ответила:

— Вы упустили главное: героиня пришла к психоаналитику, ее душевное состояние было не обычным, в тот момент ее раздражало все, и почему вы с ней не

согласны? Супружеская пара сначала решила обзавестись ребенком и только потом — разобраться в своих чувствах. На этом примере вы должны сделать выводы, которые спасут вас и всех остальных от непоправимых ошибок.

Зал снова зашумел, но — Ася чувствовала кожей, — по большей части одобрительно. Народ уже стоял вдоль стен, заполнив оба прохода, но толчея с желающими пройти в зал продолжалась.

Встала другая дама, молодая и очень красивая, сидевшая рядом с предыдущей ораторшей, и, судя по ее мрачному лицу и нервно дергающемуся, искривленному рту, настроена она была решительно.

— А как вам это?

Она долго махала растрепанным журналом, сверкая рубиновым маникюром, и крутила головой во все стороны, но зрители не унимались. Некоторые выкрикивали вопросы, но их голос тонул в общем шуме.

- Пожалуйста, прошу тишины, взмолилась Ася, обращаясь к залу. Пусть нам зачитают то, что считают нужным.
- «Питерские мужики избалованы, изнежены, ленивы. Половина альфонсы, другая половина геи, третья наркоманы и пьяницы, а четвертая половина преступники, маньяки и уголовники. Такой вот расклад».

Зал дружно грохнул от смеха.

Дама продолжала, стараясь перекричать зрителей, судя по всему, к встрече она готовилась основательно:

— Можно узнать: закончила ли Апраксина начальную школу? Разве бывает столько половин одного целого? И почему такое оскорбительное отношение к мужскому полу? Очевидно, неразборчивая авторша встречала в своей жизни только подобных мужчин, и никаких более. Только почему мы должны это читать?

Ася невозмутимо смотрела в бушующий зал, потом подняла руку с авторучкой вверх, и в зале воцарилась относительная тишина.

— Вы прекрасно разбираетесь в математике, можно позавидовать. Конечно, правильнее было бы написать, например, про одну четверть или одну восьмую бездельников, одну шестую зануд, одну треть уголовников и так далее, и так далее... Это будет математически точно, но не литературно. Уж не обижайтесь на меня за такой своеобразный прием. Не судите строго, простите, я приму к сведению. Исправлюсь. А мужчин, достойных, талантливых, отважных, отвечающих за свои слова и дела, — очень мало у нас, хотя надо признаться — каждый на вес золота.

Ася, в противовес ораторше, вызывающе открыто улыбалась. Она действовала по правилу: если враг наступает — дай ему провалиться. Дама еще хотела что-то добавить, но ее перебила другая, высокая брюнетка, с яркой испанской внешностью, со знакомым и даже родным лицом.

Маринка! Не уехала! Злость, которая подогревала Асю все это время, придавая ей драйва, — растаяла. Но вид у Маринки был вызывающе-дерзкий и не предвещал ничего хорошего, взгляд, полный ненависти, вещал: уж она-то, не в пример этим хлипким девицам и теткам, сумеет обуздать ретивую сочинительницу. Впервые за вечер Ася почувствовала себя беззащитной и дрогнула.

— Есть ли у вас дети? Как вы к ним относитесь, помогаете ли?

Асю отпустило. Примитивная она, Маринка, решила подножку матери подставить и в тупик загнать. Не выйдет. Не хватит у нее ни ума, ни опыта, вот уж поистине «лучше молчать и казаться дураком, чем заговорить и развеять все сомнения». И она с удовольствием, стараясь попасть в заданный тон, ответила:

— Моя дочь взрослая, ей двадцать пять, в этом возрасте я давно сама помогала родителям. И жила отдельно, своей жизнью. Ну, какая я мать, можно судить по тому, что дочь моя выросла красивой, умной, здоровой. Она получила разностороннее

образование, ее основная специальность — преподаватель музыки, а еще она окончила курсы психолога, курсы парикмахера, курсы делопроизводителя. У нее есть полная свобода выбора. Я о таком и мечтать не смела. Сейчас она замужем, живем мы вместе.

— Почему она не приехала на ваш творческий вечер? — спросили из первых рядов.

Ася с минуту раздумывала, как поступить, и уже представила, как она попросит красивую, высокую девицу признаться в близком родстве, а публике — задать Маринке любые вопросы про ее житье-бытье. Как та будет невнятно заикаться, врать, и под улюлюканье зала понесется прочь, наступая зрителям на туфли, и у выхода бросит: «Ну, мать, есть ли у тебя сердце, мать?!»

— У нее много работы, — ответила Ася.

Зрителям стало скучно, кто-то снова выкрикнул «Богдан, сбацай!», и зал начал скандировать «Бо-гдан, Бо-гдан!». Богдан встал, но тут возроптали первые ряды пенсионеров. Некоторые поднялись с мест, задребезжали старческие голоса: «Да когда это кончится! Вся слава Апраксиной и Богдану. Дайте же нам актрису».

Снова из кулис вынырнула Алла Андреевна. Она угомонила зал, поставила ближе к краю сцены вычурное, похожее на трон, кресло и усадила в него Лионеллу Силантьеву. Та ровным голосом и так тихо, что было слышно, как в фойе переговариваются курящие, начала рассказ о своем звездном прошлом.

Уффф! Наконец Ася смогла расслабиться. Она обвела взглядом переполненный зал, увидела в первом ряду Молодую Развалину.

Похожая на прокурора Валерия Валерьевна, в том же строгом синем костюме, сидела ближе к центру. Наденька — среди молодежи.

Майя и Рая сидели, одна за другой, на откидных сиденьях.

В проходе, среди толпы мелькнуло знакомое лицо: юноша с волосами ниже плеч стоял, прислонившись к стене. Ася прищурилась и узнала в нем Романтического Повесу. Ясно, парень решил не ждать полгода и нарастил африканские косички, да такие мелкие, что издалека они казались обычными прядями, подернутыми сединой.

Ася опустила очки со лба и с головой ушла в компьютерную игру, наблюдая одним глазом, как на столе рос ворох записок. Записки от нечего делать разбирал Богдан. Часть записок он тут же передал актрисе, часть — придвинул Асе.

Ася взяла первую попавшуюся: «в чем смысл жизни?», вторая «для чего вообще все?», и третья, и пятая все об одном и том же. Одна записка: «Верите ли вы в Бога и верите ли вы Богу?», еще «Читали вы Арцыбашева? Что скажете?», несколько записок оскорбительно-ругательных, и одна, самая короткая: «Жду завтра».

Актрисе долго рукоплескали, вальяжные пенсионеры, допущенные до некогда недосягаемого тела, целовали ей руки, осыпали ее цветами и дарили корзинки с фруктами и сладостями. Лионелла знаки внимания принимала как должное, улыбалась натужно и кланялась величаво.

Во время долгого и утомительного для молодежи выступления актрисы часть публики отхлынула, и зал стал более просторным. Ася читала свои записки самым заинтересованным.

— Постараюсь быть краткой, вижу, что все уже устали. Начну с самых агрессивных посланий, с пожеланий «гореть тебе в аду!». Кто будет гореть в аду — нам неведомо. Я бы посоветовала вспомнить мудрое изречение «Не рой яму другому...» и еще: «Каким судом судите, таким и вас будут судить».

О вере в Бога. Я верю в добро и зло, верю в силу духа. Завидую всем, кто верит не задумываясь, у меня же много вопросов. Например, все знают, что на чужом несчастье счастья не построить, тогда почему наш христианский мир построен

на Распятии? Зачем в мире так много бессмысленного зла? Кто-нибудь ответит? Впрочем, все знают, что «горе от ума», и «блаженны нищие духом», и «кто познает мудрость, тот познает скорбь». Опять же Гоголь словами Городничего сказал: «В ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было».

Про Арцыбашева. Все, что мы читаем, все книги, которые стоят на полках в нашем доме, — не так безобидны, как кажется. Есть светлые книги, которые несут добро или обличают, выставляют напоказ зло. К ним можно причислить большинство томов нашей классической литературы. Помните слова Пушкина: «И чувства добрые я лирой пробуждал». Следом за Пушкиным идет Лермонтов. Читать лермонтовского «Демона» и хранить его у себя на книжной полке я бы не стала.

В настоящее время борьба за читающие и мыслящие души обостряется. В шестидесятые годы оттепели мы видим расцвет светлой деревенской прозы. Плюс взлет обличающего Солженицына, который хлещет зло жестоко и безжалостно. Зло в ответ вытаскивает из заначки Булгакова с его «Мастером и Маргаритой», с самим Воландом в главной роли, с триумфом тлена, лицемерия и бесовских козней.

Набоковскую «Лолиту», в которой Гумберт, развратник, совратитель и кровавый убийца, подан как прекрасный герой, почти образец для подражания.

В настоящее время добро отвечает «Властелином колец» — прекрасной сказкой о прекрасной земле и служителях добра. Зло отвечает мелкими, грязными книжонками, стараясь компенсировать соотношение количеством и ядовито-яркими обложками...

Что мы читаем — тому служим. Арцыбашева я бы себе на полку не поставила, как и «Лолиту» и «Мастера и Маргариту» — торжество разврата, зла и тлена от начала до конца.

- А мы бы не поставили ваши! с вызовом вскрикнула дама, одна из тех, что читала отрывок. Кто за то, чтоб устроить публичное сожжение книг Апраксиной завтра на главной площади?
- Если пригласите тележурналистов, то я готова пожертвовать некоторыми экземплярами, ответила ей Ася и продолжила: Много записок о смысле жизни, о том, что такое жизнь, о поиске счастья и так далее. Жизнь игра, не нами придуманная. Не мы играем, но играют в нас. У этой игры есть главное правило: быть благодарным всегда и за все. И не спрашивать «почему?». Вспомним историю казненных королев, которые, умирая, благословляли своих палачей. Вспомним стихи гениального Бродского:

Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной. Только с горем я чувствую солидарность. Но, пока мне рот не забили глиной, из него раздаваться будет лишь благодарность.

Ну и в заключение совет из личного опыта: «Сделай счастливым одно земное существо — и ты обретешь смысл жизни». Благодарю всех, кто пришел на этот интересный вечер, и администрацию, и зрителей, и участников. Я получила большое удовольствие, общаясь с вами.

Последние слова Ася произнесла стоя. Даже глаза опустила долу и ладонь приложила к груди.

— Подождите, последний вопрос можно? Вы сидели, уткнувшись в компьютер, и наверняка искали там подходящие по смыслу ответы. — Насмешливый мужской голос из глубины зала.

Ася, ни слова не говоря, развернула ноутбук в сторону зрителей, и все увидели на экране яркие фишки «Маджонг». Кто-то из женщин взвизгнул «неуважение», кто-то рассмеялся, но публика уже восторженно аплодировала, некоторые даже встали и хлопали стоя.

Ася не осталась смотреть фильм. Она попрощалась с Аллой Андреевной, написала окружившим ее читателям одинаковые автографы: «На память о творческом вечере от автора», при этом Повеса протянул ей редкий экземпляр «Любовь с первой строчки» и придвинулся так, что она отступила и замерла на секунду с ручкой в руке, но подумала и черкнула то же, что и всем: «На память о творческом вечере от автора». После в кабинете директора получила приличный гонорар, цветы и, сев в машину, поехала домой.

Смеркалось, беззвездное небо заволокли низкие, почти черные тучи, между которыми проглядывал бледно-сиреневый свет, напоминающий о том, что пора белых ночей осталась позади. На площади и на главных улицах поселка уже горели фонари, освещавшие дорогу и дома с темными окнами, и лапы мохнатых елей, и шуршащих в траве ежиков. Ася думала о том, что надо бы поменять Бегемоте корм, наверняка старый ей приелся, и толстеет она от него сверх меры, и еще нужно выпустить ее гулять и ждать в беседке, пока она не прыгнет ей на колени. А потом тяжелую, упирающуюся на руках занести по лестнице домой и только тогда обессиленной тушей рухнуть на диван.

10

Нагулявшаяся Котька давно спала, непринужденно, пузом вверх, и даже лапы мягко вытянула, и хвост уложила завитком поверх живота. Уже пропел первый, предрассветный петух, и птицы начинали робко подавать голос, и туман рассеивался за окном — сон все не шел.

Ася без конца ворочалась, скомкав постель, измучив подушку, измяв лицо с несмытым тональным кремом. В голове кружился и хороводился переполненный зал, звенели голоса, выкрики, насмешливые и агрессивные, других, восторженных или одобрительных, она не слышала. «Ваша проза оскорбляет род человеческий», «позор!», «устроим показательный акт, сожжем непотребную прозу!»

Она парировала, как могла, и не оробела под натиском ораторов, наступающих на нее, как фронт бульдозеров наступает на старый, под снос, дом. Почему ее никто не поддержал, почему молчали ее читатели, позже вставшие в очередь за автографом и подобострастно заглядывающие ей в глаза?

О Маринке лучше не думать. Маринка — это загадка, ее неизлечимая тупая боль, засевшая слишком глубоко, чтоб понять ее природу, самый близкий враг, стоящий всегда на стреме, с целью выбрать удачный момент и уколоть. Рядом с ней не расслабишься.

Как-то Ася спросила ее: «Почему, за что ты меня ненавидишь?» В ответ услышала: «Это я тебя должна спросить, за что ты меня ненавидишь?»

Асе хотелось дойти до сути: «Объясни, наконец». «Ты сама все знаешь».

Ася долго корпела над этим неразрешимым ребусом и пришла к выводу, что дочери хотелось бы получить доказательства безумной, жертвенной материнской любви, о которой индийский Болливуд слагает душещипательные картины. А она видела лишь раздражающе ровное и теплое отношение.

Маринке хотелось иметь рядом открытую душу, ей одной принадлежавшую, в которой нет места ничему, кроме нее, и чтоб можно было это душу топтать ногами и потрошить морально и финансово, как безмолвного старого медвежонка, чтобы

узнать, есть ли там сердце. Так она была запрограммирована. Но перед ней стояла непробиваемо-несгибаемая замкнутость на собственном мире.

Уставшее сознание путалось, ее собственные ответы распадались на фразы, на отдельные предложения и слова. И каждое неверное слово выталкивало ее из неги спасительной дремоты в смуту бессонницы, рассматривалось в лупу как невытащенная заноза и виделось сучковатой палкой, вставленной в колесо ее успеха.

И ей уже казалось, что выступила она коряво, суетно, что ей не хватило хладнокровия и выдержки. Зачем-то ударилась в нравоучения, зачем-то откровенничала про веру и про свой особенный мир.

Ни один гениальный писатель не сказал бы: «Мой внутренний мир — это центр Галактики, вокруг которого мельтешит периферия». Но что сделать, если она так чувствует?

Много раз за вечер она включала «стоп-кадр» и почти всегда видела со стороны благополучную, ничем не пробиваемую и непотопляемую леди. Сейчас в утреннем свете она казалась себе жалкой, беззащитной, но умело огрызающейся дамочкой.

А Повеса хорош. Заманчивая оболочка его и томный взгляд — западня для несведущих дам и для неискушенных душ. Примитивный бесовский сценарий по охмурению юным телом немолодых, уставших от душевного одиночества теток, повторяющийся из года в год, из века в век, с тех древних времен, когда Сатана подступил к Создателю с предложением извести добропорядочного Иова.

И, как ни странно, получил на это добро. Аппетиты нечистого стали расти, и однажды под «раздачу» попали почтенные матроны, бросившие свою жизнь под ноги мужьям и детям, а под старость лет решившие задуматься и оттого погрустневшие.

Ася физически ощущала, как неведомая, сторонняя сила пытается втянуть ее в свои насмешливые, бесовские игры, в которых невозможно ни выиграть, ни проиграть, но только лишиться достоинства и воли. «Господи, тот что Благ и Человеколюбец, спасибо тебе за молчащие мои гормоны, иначе влюбилась бы в этого плейбоя и отравила себе остаток жизни унизительной зависимостью».

Она вскочила, закинула на диван сползшее на пол, скомканное одеяло, поправила вылезшую из наволочки измученную подушку и включила ноутбук. Делом нужно заниматься, делом, бежать с ничтожной периферии к себе, в собственный, тобой созданный мир. Итак, на чем она остановилась, что там происходит с ее щенком?

«Обычно она не спешила его забирать, а когда наконец приходила за ним, он по привычке упирался, стараясь увильнуть и сбежать, однако поводок неизбежно защелкивался, и упрямца, сопящего и хрюкающего, силой тащили домой, чтоб совершить над ним страшную, ненавистную экзекуцию в виде мытья лап.

В субботний выходной муж, как всегда, был на работе, Миша-сын уехал на дачу к другу, Алевтина осталась одна. Долго занималась домашними нудными делами. Ну, не могла она расслабиться и отдохнуть по-человечески, если в доме грязь и беспорядок.

Сделав генеральную уборку в маленькой комнате, занялась мытьем окна, потом привела в порядок одежду сына, разобрала обувь в прихожей, что-то убрала на антресоли, что-то почистила и отнесла на балкон для просушки, любимые тапочки, погрызенные Баськой, пришлось выкинуть.

Приготовила обед. Потом приняла ванну, долго болтала с приятельницей по телефону, которая в приятной беседе не забывала кольнуть: «Ой, смотри, Алька, что-то не нравится мне ненормальная работоспособность твоего мужа. Тебе бы не мешало проверить хоть раз, на работе он или где в другом месте».

На что Алевтина неизменно отвечала: «Ну зачем? У нас очень хорошие отношения. Миша нас на юг в этом году повезет. Если и флиртует где-нибудь, так

Бог с ним, не все же время мужику дома да возле жены сидеть. Да, он красивый мужчина, а главное порядочный, что в наше время редкость, знаю, что женщины на него заглядываются». «Ну, ты ненормальная, Алька», — отвечала подруга, и разговор переходил на другую тему.

Ближе к вечеру Баська стал проситься на улицу, прыгая ей на ноги, звал в при-

хожую. Алевтина решила прогуляться с ним. Почему бы и нет. На улице тепло и тихо, двор, заросший зеленью, призывно шумел листвой. Отпустила щенка с поводка, и Баська, рванув со всех собачьих лап, пронесся на скорости два круга, потом, успокоившись, вернулся к ней, а после смирненько бежал рядом, не спеша разглядывая и нюхая всякие интересности и вкусности, которые встречались на каждом шагу.

разглядывая и нюхая всякие интересности и вкусности, которые встречались на каждом шагу.
Вышла пожилая соседка Нина Константиновна с болонкой Лаской, которая была Баськиной подружкой, вечерами они часто бегали вдвоем под присмотром

старушки. Ласка обрадовалась своему приятелю, и оба тут же, весело завертев хвостами, бросились друг за другом вприпрыжку по двору. Баська хвастал перед болонкой своей хозяйкой, Алевтиной, вертясь у нее под

Баська хвастал перед болонкой своей хозяйкой, Алевтиной, вертясь у нее под ногами, хвастал машиной, которая стояла неподалеку от подъезда, запрыгивая лапами на крыло и царапая эмаль.

Ласка, как старшая по возрасту, снисходительно смотрела на Баськины эмоции и восторги. Алевтина с Ниной Константиновной тем временем вели неторопливую беседу на тему, как кормить собак и как правильно воспитывать их и приучать к порядку. Ласка была воспитанной собачонкой, спокойной.

Вот и сейчас, поиграв и порезвившись с приятелем, вернулась к хозяйке и бежала рядышком или чуть забегая вперед. «Ласонька, какая хорошая собачка, умница». — Алевтина наклонилась к болонке, чтоб потрепать ее по мохнатенькому загривку. Баське это не понравилось. Он недоуменно остановился, потом отбежал в сторонку, как-то сник и с подружкой своей перестал играть вовсе, не приставая к ней и даже избегая ее.

Между тем, обойдя вокруг дома, женщины возвратились к родной парадной. Баксом, который бежал следом за Алевтиной, не отставая ни на шаг, вдруг овладело беспокойство, он забежал вперед, потом начал подпрыгивать и проситься на руки. «Ну, ты чего, малыш?» — Алевтина подняла тяжелого щенка и, поддерживая

«Пу, ты чего, малыш: »— Алевтини пооняли тяжелого щенки и, пооберживия за толстую попу, понесла его на плече. Песик, успокоившись, сидел смирно, полизывая иногда хозяйку в лицо и благодушно посапывая. И только когда старушка Нина Константиновна со своей питомицей скрылась в подъезде, Баська спокойно спрыгнул с рук и побежал по двору, нюхая и разыскивая в траве собачьи радости в виде косточек, щепочек, жуков или других ползающих тварей.

«Надо же, приревновал меня к Ласке», — изумилась своей догадке Алевтина. Она погладила собачонку, сказала ей нежное слово, а собак приревновал, испугался, что хозяйка променяет его на соседскую болонку. Надо же! И вот верь после этого ученым, которые утверждают, будто собаки неспособны мыслить!»

Проснулась оттого, что Котька щекотала ее щеки усами. Часы показывали время далеко за полдень. Тускло светило солнце. От страха вновь уйти во внутренний диалог, решила позвонить Алле Андреевне. Первое, что услышала:

— Анастасия Ивановна? Как вы себя чувствуете?

Наверное, она сочувствует ей как несчастной, басом прорыдавшей всю ночь, графоманке.

- Прекрасно себя чувствую. Спасибо за гонорар, приятно удивлена.
- Ну, это спонсоров нужно благодарить. А я, вы знаете, всю ночь не спала. Даже корвалол пила, так вчера перенервничала. В какой-то момент даже боялась,

не выскочит ли кто на сцену, не затеет ли чего дурного. Публика у нас простая, бесцеремонная. Решила, что вечера с множеством участников, да еще таких разных по жанру и по возрасту, устраивать не стоит. Но вы держались героически. Скажу честно — наши читатели после встречи собрались узким кругом на чаепитие и все как один вами восторгались. Уж простите, ни одного журнала, ни одной книги не вернули, хвастали вашими автографами, — утешила ее завбиблиотекой.

— Спасибо за добрые слова. Для меня это очень важно. До свидания.

Ближе к вечеру ее охватило беспокойство. Так бывает, если забываешь о ранее спланированных делах, но знаешь точно, что дела есть, и дела эти — неотложные. Обычно она записывает их в блокнот, в тот же самый, что и все авторские наблюдения, только с другой стороны. Только какие дела ее могут ждать на даче?

Она даже стала искать этот блокнот и вместе с ним из кармана брюк вытащила записку «жду завтра», единственную записку, на которую она не ответила. Вот оно, искушение, нахально навязывает ей свою волю, ведет своим маршрутом, отключает здравый смысл. Не дождетесь.

Нет, отменять свой привычный вечерний моцион она не будет, но сделает посвоему: уедет в другое место, например, в поселок Рыбачий; говорят, там платный вход, но пляж чистый, и серебристый песок, и кафешки в стиле гриновского Зурбагана, где подают жареных бычков и окуня горячего копчения. А еще есть всяческие сооружения из дерева и плетеной ивы. И даже благоустроенная парковка. Находится это райское местечко всего в десяти километрах от Островка.

Ася села в машину и сначала прокатилась по центральной площади в поиске пожарища и обугленных корешков ее книг. Здесь царила будничная тишина.

Сонно брел местный люд, кто с рынка, кто из магазина с бутылкой за пазухой, кто с автобусной остановки. Развернулась и по главной улице поехала дальше, вперед, по дороге, ведущей вдоль залива.

Ее путь был свободным и просторным, в то время как встречные машины ехали плотной чередой, бампер к бамперу, еле тащились и больше стояли, чем ехали. Не мудрено: вечером воскресного дня все спешили в город. После указателя «Рыбачий» Ася свернула вправо, в первый проезд, и почти сразу попала на просторную парковку. Поселок и вправду был рассчитан на приезжих и походил на уютную рыбацкую деревню, описанную Грином в своих рассказах.

Ася долго бродила вдоль кромки воды, смотрела на редких купающихся и на белые корабли у самого горизонта, которые то ли стояли, то ли медленно отплывали к чужим берегам. В одном уютном кафе на побережье, так же рассеянно вглядываясь в туманную морскую даль, которая ничем не отличалась от морской дали Островка, она съела порцию кальмаров фри с рисом.

В другом — под вкрадчиво-будоражащую мелодию Энигмы Why — не спеша выпила большую чашку горячего какао с кексом. То ли от этой тревожной мелодии, то ли от чего другого, она вдруг заскучала и неожиданно для себя села в машину.

Быстрее, быстрее, назад, к себе, на свой скромный, но ставший родным пляж, без вычурных кафешек и соломенных сооружений, но с величавыми валунами и песчаным мысом, и где, быть может, сейчас ее ждут.

Очень хотелось успеть, она спешила, и нервничала, когда ее Степка оказался в общей очереди еле ползущих авто, и отчего-то тосковала. Но потом смирилась, отдалась на волю провидения и стала листать музыкальные каналы, вдруг да услышит неземную Энигму с чувственным: «I'm asking why. I'm asking why». Уже вечерело, наползали тучи, снова заморосило. «I'm asking why, I'm asking why…» А машины все стояли и стояли, бампер к бамперу, не желая двигаться с места, и казалось, так было кем-то задумано, и кого-то испытывают на терпение, а может,

провоцируют на нервный срыв. Подъезжала к Островку под приземленный, нахальный голос Сергея Шнурова.

Финский залив, мы лежим на пляжу, То я вхожу в тебя, то выхожу. Солнце и ветер, кольцо в соске, Назло тоске *уй весь в песке.

Вот тоже ночь, звезды, луна, Бутылка вина наполовину полна. Можно допить и за новой сходить, Хочется сдохнуть, как хочется жить!

Уже было поздно, когда она, выйдя из сосновой рощи, ступила на песок. Пляж был пуст, здесь, посвистывая, гулял ветер, так что пришлось закутать голову шалью.

У края воды она поздоровалась с валуном, мирно дремавшим в балтийских водах. И казалось, что шторм по душе этой отшлифованной временем глыбе, что волны и колючие вихри баюкают его и ласкают, напевая какую-то древнюю песню из тех ледниковых времен, когда китенок был частью огромной треснувшей скалы.

Ася стояла и боковым зрением наблюдала, как со стороны маяка по берегу идет человек. Один. Разглядеть его не было возможности из-за песка, летевшего в лицо.

Долго стоять на мысу не было смысла, к тому же западный ветер нагнал туч и стал неравномерно сыпать пригоршнями брызг. Ася развернулась и пошла назад. Она услышала лай еще до того, как со стороны заброшенного санатория на пляж выскочила свора бродячих псов, сначала пара мелких, следом остальные: разношерстная, разномастная и клыкастая банда.

Псы сначала бежали по кромке сосновой рощи, без цели, Ася успела разглядеть, что рыжего щенка среди них не было. Еще была надежда, что псы пробегут мимо, но они увидели ее, и вся стая изменила направление, повернув ближе к берегу. Она стала их целью, их охотой и жертвой. Ася напряглась, сжала газовый баллончик в руке, сердце ее застучало, ноги ослабли, но она продолжала идти стороной, ближе к воде. Споткнулась о булыжник, наклонилась и подняла увесистый, с острыми краями камень.

Она уже представила страшную картину: себя, растерзанную, погибшую некрасиво и неэстетично, и объявления в утренних газетах, и душераздирающие фотографии в Интернете тоже представила. Не может быть, чтоб так глупо все кончилось. Она не готова к бою с этими псами, которым ничего плохого не сделала. «Буду сражаться до последнего. Если страх есть не что иное, как лишение помощи от рассудка... — обойдусь без помощи. Надо бы шаль на руку намотать, чтоб защитить лицо». Но времени уже не было.

Стая бежит наискосок, в ее сторону, впереди черный главарь, не крупный, но видно, что самый злобный, скалится исходя тягучей слюной, за ним — тявкающие подростки. Главное, не выпустить из вида черного, разбираться нужно с вожаком, остальные подождут.

И спиной к ним не поворачиваться, встречать их лицом к лицу, но не глядя в глаза. От страха уже свело колени. Плевать на страх! Свора все ближе, дышат тяжело, лают дурными голосами, возможно даже по-матерному. Нет, не справиться ей, что хошь делай, и баллончик не поможет, а только навредит. Ветер весь перец в ее сторону разнесет, глаза обожжет, а собакам и не достанется. Тогда ей конец и настанет. Камень, камень из рук не выпустить.

Неожиданно из стаи вырвалась вперед небольшая шавка и тяпнула ее за пятку. Ася, чуть пригнувшись, прицельно пшикнула на нее из баллончика. Псина отскочила, скорее от шипящего звука, чем от содержимого.

«Давай, иди сюда, ближе! — крикнула грозно черному и глазами в него впилась. — Сейчас дам по башке!» Руку с камнем держала наготове, а другой сжимала баллончик и одновременно нашупывала в кармане самый острый ключ. Да, ключом нужно метить в глаз. А ногой уже подгребала другой камень к себе поближе. В этот момент она поняла, что готова. И даже ждет нападения.

И шаг навстречу сделала. «Фу! Фу! Пошли отсюда!» Стая забуксовала, главный от неожиданности косо отпрыгнул и залаял, но не так, как минуту назад, иначе, другим тоном, простецким: «Ты чего, дурында, спятила, мы же мимо бежали. Мы чего, мы ничего, просто хорошие ребята». И в самом деле, рванул мимо, по пляжу, и стая за ним, да так резво, словно ее печенкой поманили.

Вдруг раздался выстрел, второй. Ася закрыла лицо руками. Грозный, задыхающийся рык, жалобное поскуливание... И все стихло. Ветер усиливался, с завыванием гнал по пляжу песок и пыль, громоздил тучи, становилось темно, серебристо-сиреневые сумерки сменил тревожный темно-фиолетовый оттенок. Шумели волны, стонали чайки. Кто-то издалека кричал, кажется, ей. Ася открыла лицо и увидела бегущего к ней крупного мужчину, в камуфляже, с ежиком седых волос.

— С вами все в порядке? Не покусали?

Ася стряхнула с ноги сабо и спустила носок. Пятка правой ноги была синюшно-красной.

- Слава богу, обошлось. Тяпнули, но не прокусили. На всякий случай по-кажитесь врачу.
 - Вы их убили?
 - А что мне было делать? Ждать, когда разорвут?

У Аси щипало глаза от ветра и песка. А может быть, и от перца. Приходилось жмуриться и тереть глаза салфеткой. Шаль с головы слетела, длинный хвост седеющих волос тоже норовил хлестать по лицу.

- Давайте я вас провожу, от греха подальше. Как вас зовут?
- Анастасия Ивановна.
- А я Дмитрий Палыч. Пойдемте, Анастасия Ивановна, выведу вас на дорогу к дому. И что вас понесло гулять в столь поздний час, да еще в такую погоду? Как, идут ноги?

Ася подняла на него глаза.

- Все нормально, идут. Я всегда здесь гуляю вечером. А вы как здесь оказались? Причал охраняете?
- Нет, просто увидел, что шторм начинается, вышел проверить, надежно ли катер закреплен. Я здесь рядом живу, у маяка. А вы отважная, не отступили и не запаниковали. Другая бы на вашем месте закричала «помогите», да еще бы сдуру в воду бросилась. У нас здесь бывали случаи. В прошлом году ребенка загрызли и мать покусали, можно сказать, инвалидом сделали.

В сосновой роще ветер стих, только верхушки сосен мотались и сыпали шишками. Мужчина вынул из-за пазухи тяжелый черный пистолет, играючи крутанул его на пальце. Ася недоверчиво покосилась на своего спутника, но лицо его выражало прежнее простодушие.

- Спасибо, я дойду, мне неловко вас беспокоить.
- Ну что вы, какое беспокойство, мне в радость проводить такую милую даму. Дай угадаю, вы, Анастасия Ивановна, дачница? Он боком взглянул ей в лицо.
 - Дачница. У вас всегда при себе оружие?

- Да вы испугались? Не бойтесь. Оружие это для защиты. Всегда ношу. У меня и разрешение есть. Было бы у вас оружие, ничего бы не боялись. Пора всем иметь, потому как государство на нас забило.
- Я бы не хотела жить в мире, где все вооружены. Покажется кому-то, что на него не так смотрят, он возьми и пальни в глаз. Идем назад, от цивилизации к дикости, отказываясь от разума, накопленного опыта и просто здравого смысла?
- Не согласен. Вы, наверное, не знаете, сколько в этом мире зла. И зло это, как правило, вооружено как минимум ножами, битами, пневматикой. И как прикажете от него защищаться?
- Хорошо, раздайте народу оружие, но упраздните государство! Полицию распустите. Налоги отмените. Женщин и детей заставьте сидеть дома и не высовываться

Так и дошли до шлагбаума, за которым одиноко дремал Степка, тускло серебрясь покатыми боками.

- Спасибо, что проводили.
- Не за что. Интересная вы дама, отчаянная. Сейчас пойду домой, берегом, и буду думать о вас.
 - Обычная трусиха.
 - Быть может, возьмете мой телефон, вдруг вам защита будет нужна?
 - Надеюсь, не пригодится. До свидания.

Ася улыбнулась, положено так — в конце пути на прощанье вежливо улыбнуться.

«Свернули в проулок. Алевтина, решив совместить приятное с полезным, направилась к ближайшему магазину, чтоб сделать покупки к ужину. Но, оказавшись на чужой территории и поняв, что они ушли от дома слишком далеко, Баська снова заволновался, начал беспокойно забегать в обратную сторону, выразительно поглядывая на хозяйку, а потом и вовсе запросился на руки. Пришлось вернуться назад, не дойдя до гастронома. «Ну и трус же ты, Баська!» — выговаривала ему Алевтина по дороге домой.

На излюбленной скамеечке уже собралось все общество любительниц вечерних посиделок, сплетен и пересудов. Доброжелательно кивнула им, услышав в ответ обычное: «Добрый вечер, Алевтина Павловна, добрый вечер», и скрылась за дверью подъезда.

«Ну какая она душевная женщина, и сын у нее воспитанный, всегда здоровается, и муж непьющий. Образцовая семья, ничего не скажешь», — вдогонку ей шептались соседки.

Приближался август, а значит время отпуска и поездки к южному морю. Вставал вопрос с Баськой: куда девать собака на период поездки?

- Васильевым отдадим, предложил Миша-сын. Ему у них не скучно будет.
- Они все пьяницы, животным у них плохо, они там все впроголодь живут и невыгулянные, возражала Алевтина.
- Дядя Коля пьет частенько, и тетя Маша, бывает, пьет с ним за компанию, но они добрые, сами голодные останутся, но последний кусок собаке отдадут, и собак своих не обижают никогда, настаивал Миша-младший.

Миша-муж тоже высказался:

- Предлагаю Баську с собой взять. Справку от ветеринара о прививках нам выдадут. Купе отдельное возьмем, умный у нас собак, справимся.
- выодоут. Купе отоельное возьмем, умный у нас сооак, справимся.
 Ура! Давайте с собой возьмем! Ему понравится в море купаться! запрыгал радостно сын, он даже не предполагал, что такой вариант тоже возможен.

Алевтина, как обычно, оставалась в меньшинстве, и аргументы, которые она приводила «против» взятия с собой шенка, никто и слышать не хотел.

- Как он в поезде будет себя вести, неизвестно. Писать, какать как будет? А вдруг потеряется?
 - Не потеряется, не потеряется! Я буду смотреть за ним, играть с ним.
- Алечка, ну ты не волнуйся, на станциях мы с ним будем выходить ненадолго, чтоб он все дела сделал, он же умный песик, умнее некоторых двуногих, поддерживал сына Миша-старший.
- Опять все против меня. Ну, будь по-вашему, сдалась Алевтина Павловна. — Только от меня ничего не требуйте, я отдыхать еду, а не с собаком возиться.
- Ура-ура-ура! закричал Миша-сын и полез к Баське с поцелуями. Ну а того и не нужно просить, сразу начал облизывать ему лицо, а потом бросился почемуто к Алевтине. И как только она наклонилась, чтоб потрепать его по мордочке, начал ее полизывать-покусывать, полизывать и покусывать, при этом похрюкивая и поскуливая от полноты чувств.

Лето набирало обороты, и когда время белых ночей осталось позади, сменилось ночами темными, а вечерами холодными, в один из таких дней перед самым отпуском, когда билеты до Адлера уже были куплены, а нервы от усталости на пределе, Алевтине, несмотря на чемоданное настроение, было особенно тоскливо. Дома, по своему обыкновению, еще не было никого, муж, как обычно, задерживался на работе, сын бегал неизвестно где, а за окном уныло и тревожно завывал ветер, и, непонятно почему, хотелось плакать.

Она решила пойти и привести домой Мишу-сына. Пусть потихоньку начинает собирать вещи для поездки, а главное, для школы. Вернутся с юга они уже в начале сентября, так что для школы должно быть все готово заранее. Ну, и где его искать? Решила пойти к Васильевым. Баська вертелся под ногами, радуясь предстоящей прогулке вместе с хозяйкой. «Сидеть, — скомандовала Алевтина. — Дома!» — и вышла из квартиры, оставив обескураженного щенка в недоумении одного.

Васильевы жили в крайней парадной на последнем этаже. Уже подойдя к их двери, услышала грозный собачий рык. Но все же позвонила. Дверь открыл сам Васильев-старший, всклокоченный, заспанный, в несвежей майке. Тут же рядом с ним, оглушая подъезд громогласным лаем, рвался вон из квартиры огромный пес, по виду кавказец, еле сдерживаемый хозяином за ошейник. «Тихо, Акбар. Тихо!» Но пес, похоже, не был воспитан, команд хозяина не понимал, а потому не унимался, продолжая лаять и рваться вперед, подпрыгивая на задних лапах, передними почти касаясь Алевтины.

С трудом объяснив Васильеву, что она ищет сына, и услышав отрицательный ответ, с удовольствием пошла прочь. «Пьянь, собачники!» — думала про себя, спускаясь вниз по лестнице. Заглянула в соседний двор, где мальчишки часто играли в футбол, но там никого не было, только ветер резкими порывами срывал с тополей и кружил первые высохшие листья.

Побродила немного одна под моросящим дождем и вернулась домой. Баська начал ластиться к ней и проситься на улицу. «Ну, беги!» Выпустила, как обычно, одного, но уже через пять минут увидела его сидящим возле парадной. Видимо, и ему не понравилось гулять в такую мрачную погоду, когда и дождь, и ветер, и бродячие голодные псы рыщут свою добычу».

Засыпая, слышала за окном чей-то монотонный плач, нудный и тягучий, как старинная колыбельная или завывание ветра. С этим и заснула...

Возможно, Ася и вовсе бы не узнала о страшной трагедии, если бы подвернувшаяся на выходе со двора Люда не подозвала ее с таинственным выражением лица.

- Ты ведь, Ивановна, одна не в курсе. Майка-то, помнишь, миллион выпрашивала у Вселенной?
 - Помню, говорила уже на подходе.
- Получила окаянная! Люда вытаращила глаза и с отчаяньем хлопнула себя по бедру.
- Не может быть! Чудеса! воскликнула Ася на всякий случай, потому что в чудеса не верила.

Люда понизила голос до шепота и, вытянув заплывшую шею, так приблизила голову, что рыжие пакли стали щекотать Асе щеку. Она отстранилась, а Люда зашипела, присвистывая и брызгая слюной:

- Сын у нее в Сирии погиб, за него и получила. Добровольцем, говорят, воевал, прости, господи, народ сирийский убивал. Ты, Ивановна, как в воду глядела, так просто ничего не свалится. Просишь? Заплати! Ой, беда.
 - То-то я не видела ее давно.
 - Уехала к себе в Псковскую, и Райка следом за ней.

Весь день Ася ходила задумчивой, и когда бродила по поселковому рынку в поиске свежего творога и козьего молока, и, наверное, от задумчивости зачем-то купила еще один легкий и длинный шарф, по цвету подходящий к ее длинному сарафану (ведь наступит же когда-нибудь тепло, не должно не наступить), и когда сидела в прибрежном кафе поселка Рыбачий, и когда поздним вечером в беседке за бокалом вина отстраненно слушала разговоры соседей.

Она лишний раз получила подтверждение: нельзя принимать за чистую монету все, что навязывается свыше. Бесы не дремлют, их изобретательность, как у хакеров, или создателей компьютерных червей, безгранична, но цель всегда одна: лишить всех благ, заставить злиться, направить по ложному пути.

И на этот раз их авантюра с новой теорией «Вселенная как бездонный, заполненный всякой всячиной гипермаркет» (универмаг, инет-шоп, склад — нужное подчеркнуть) увенчалась успехом: того и гляди, народ вовсе работать перестанет.

А зачем? Сиди себе на печи, то есть на диване, смотри в потолок и делай заказ, главное правильно его формулируй и жди, когда он упадет в твои руки, как хрустальные башмачки Золушки.

Ах, просил, но не получил? Вини себя, олух, значит, не научился строить предложения и правильно общаться со Вселенной. Это тебе не мамочка, выполняющая твои истерично-невнятные «хочу» и «дай».

Бедная Майя, наверняка теперь винит себя, но на всякий случай бегает в церковь и шепотом спрашивает Богородицу: «Почему? За что?» Не задумывается Майя над тем, что «не мы такие, жизнь такая» — не пустые слова, и уничтожение человека идет от сотворения мира, и, рожая младенца, нужно быть готовым, что однажды он будет уничтожен, если не другим человеком, то не нами придуманными инфарктом, инсультом, онкологией, алкоголем и чертом в ступе, идеальный вариант (ставим галочку) — возрастной дряхлостью.

В судебной практике есть такое понятие, как «предмет, используемый в качестве орудия убийства». Жизнь для уничтожения человека применяет не только предметы, не только специально натасканную для этой цели армию вирусов и бактерий, но более изощренные методы с запуском малоизученных процессов и механизмов.

Так можно ли винить человека, сотворенного по образу и подобию, в том, что он, потворствуя высшим силам, изобретает орудия массового поражения?

Рассвет все не наступал, мрачное утро сковали черные, с проблесками молний, грозовые тучи. Громыхать начало так, будто груженный железом состав сошел с рельс, опрокинулся, но продолжал катиться все ближе к Островку. Но дождь все не начинался.

Народ, незнакомый, с объемными сумками, в дождевиках, готовый к походу на рынок просроченных и ворованных товаров, как и прежде, собрался во дворе. Ася решила остаться дома. Она ответила Люде категорическим «нет» и яростно защелкала компьютерной клавиатурой, словно пыталась оправдаться перед собой сошедшим на нее вдохновением и продемонстрировать свою занятость.

Сюжет о щенке зашел в тупик. Она писала про несчастного, не нашедшего людского тепла собачонка, а получалось, что семья, в которую попал Баська, вполне добропорядочна, и где здесь трагедия?

Ася вернулась к мыслям о деньгах, которые идут не ко всем, но к избранным. Она давно сделала вывод, что избирательность денежных потоков не зависит от порядочности их обладателя. Не зависит также от его ума, внешних данных или трудоспособности.

Ближе к вечеру засияло солнце да так начало припекать, что пришлось открыть настежь окна и балкон. Стали слышны голоса Людиных гостей, собравшихся после рынка в беседке. Гости были Асе незнакомы, многие из прежних жильцов, включая семейство Риты с вечно ревущим Ленькой, разъехались, и теперь она сталкивалась с новыми лицами. В беседке смеялись каким-то диким, взрывным смехом, и как Ася ни напрягалась, чтоб представить, над чем так можно смеяться, в голову ничего не приходило.

Она принесла из темной комнаты кошачью переноску, засунула туда толстую Бегемотю, и в одном легком, длинном сарафане и новом прозрачном шарфе, летящем за ней легким шлейфом, пошла на берег. Бегемотю выпустила на песке, и та послушно засеменила рядом. Пляж был почти пуст, небо сияло чистой, глубокой синевой, волны накатывали умиротворенным шелестом. Народ робко подтягивался после грозы, некоторые были в купальниках и шортах, некоторые на всякий случай в дождевиках.

Повесу она увидела издалека. Он снова кормил чаек у края мыса. Длинный, с искусственной проседью, хвост из африканских косичек, белые джинсы, голый торс. «О, Госсподи, — вздохнула Ася вслух, — и мысленно добавила: — Тот, кто Благ и Человеколюбец».

Склонив голову, он глянул на нее из-за плеча и, сделав несколько торопливых шагов, замер в ожидании: вот сейчас она повернет и подойдет (радостно побежит) к нему навстречу по песчаному мысу вместе со своей кошкой.

Но она нацелилась идти прямо. Она шла не оборачиваясь и спиной ощущала, что он идет следом. За ней, но сам по себе. Она даже чувствовала, что вот сейчас он замедлил шаг, сейчас остановился. Он не хотел, он ненавидел себя, но шел, не мог не идти. Он догнал ее почти у маяка, и она слегка вздрогнула, когда его руки легли ей на плечи. Наверное, он за этим и шел, чтоб положить руки ей на плечи.

Вынырнув из-под его рук, шла дальше. Сели на ближайшую к воде лодку. Котька сначала легла рядом, подогнув лапки и блаженно жмурясь, потом нашла себе развлечение — большого черного жука.

- Давно тебя не было видно, где пропадала?
- В Рыбачий на пляж ездила. Там на побережье много кафешек и пляж чище.
- Давай как-нибудь съездим туда. Можно на моем Ниссане.

Он поднял с песка перламутровую ракушку, протянул ей и плотно придвинулся, так что их бедра и плечи соприкоснулись.

- Ася взяла ракушку, поправила складки сарафана, слегка отстранилась и ничего не ответила.
- Что ты сейчас пишешь? Дай угадаю, наверное, что-нибудь занудное, о море и дожде.
- Умоляю, не надо красивых фантазий. У меня творческий застой. Не знаю, закончу ли короткий рассказ.
- Знаешь, я приглашаю тебя на лесное озеро, спохватился он. Ты была на лесном озере?
- Нет. Ася бережно очистила ракушку от песка и разглядывала ее хитрые изгибы и разноцветные переливы.
- Давай сегодня сходим, когда начнет темнеть. Тебе понравится, говорят, там видели русалок, а еще там появляется привидение то в виде цыганки, то в виде солдата.

Ася взглянула на него с недоумением и усмешкой.

- Далеко?
- Не очень. Можно пешком, можно на машине по лесной дороге, потом до просеки и дальше. Рядом с озером деревня есть заброшенная. Мистические места, загадочные.
 - Ты там был?
- Были как-то давно с компанией. Купались голышом, лилии рвали, кувшинки, фотографировались.
 - Да, наверное, это были прекрасные фото.
- Если хочешь, принесу, покажу. Ну, как насчет озера? воодушевленно, словно уже получил ее согласие.
- В молодости я любила всяческие походы, трудности и опасности. Искала их, и они меня находили. Сейчас сыта ими по горло. Знаю, что можно нарваться. Красивое озеро может оказаться опасным для заплывов, с тиной и пиявками. Привидение армейским дезертиром или сбежавшим уголовником.
- Чтоб ты не боялась я возьму с собой оружие. Хочешь пневматику, хочешь Стечкин.

Говорил и любовался собой. «Стоп-кадр» у этого нарцисса был встроен природой, как третий глаз у рептилий.

- Как твоя женитьба, готовишься?
- Я не думаю о женитьбе, это нужно не мне, а родителям. В настоящее время я увлечен тобой.
- Это глупое увлечение, бессмысленное. Готовься к свадьбе и не расстраивай родителей.
- Не надо издеваться, мне твое мнение известно. Не зря тебя наши дамы возненавидели. Ты им рвешь шаблон. Кстати, почему ты не ответила на мою записку.
 - В твоей записке не было вопроса.
 - Все равно, я хочу, чтоб ты ответила.
 - Хорошо, отвечу, тоже запиской.
- Обещаешь? он повеселел и беспокойно заелозил на горячем от солнца днище лодки.
 - Обещаю!
- Каждое твое слово это то, что я хотел бы слышать. Мне нравится в тебе все, включая твой возраст, нравятся все твои шарфики, твой запах... Я даже завидую... он осекся и как будто покраснел, впрочем, возможно это просто тень в виде смуглого румянца легла на лицо при повороте головы.
- Завидую... чему? Ася поймала себя на том, что его сладкие речи ей приятны, но они ее не трогают. Парень может сам не понимать, что его слова —

неосознанный порыв души от вида чистой, синей дали и от молодой, рвущейся изнутри силы, запущенной от рождения и еще не растраченной с годами на суетность и мелкие житейские дрязги. Ася не обольщалась.

— Чему ты можешь завидовать? И кому?

Повеса сокрушенно покачал головой, и было ясно, что он уже жалеет о брошенном мимолетно слове.

— Кошке твоей завидую! — бросил злобно и отвернулся, словно испугавшись, что она сейчас расхохочется.

Ася вспомнила про Котьку, вскочила и начала крутиться, ища ее глазами. Оказалась, Котька возилась с пойманной стрекозой на приличном от них расстоянии. Ася подбежала к Котьке, вырвала из ее лап несчастную стрекозу и пустила по ветру. Бедолага рухнула на песок, но потом отряхнулась, пришла в себя и, взлетев ввысь, скрылась из вида.

Теперь они шли назад, Котьку из-за множества встречных собачек пришлось упаковать в переноску.

— Обещай мне, что мы поедем на лесное озеро.

Повеса иногда забегал вперед и шел перед ней, пятясь назад, заглядывая в глаза. Заглядывает в глаза, но видит в этих глазах себя, неотразимого, и каждый свой шаг оценивает и сам же восхищается. Ася думала, что надо бы спросить, как парня зовут, но, впрочем, пока не было надобности.

- Я не могу тебе этого обещать. Скажем так, я подумаю. В любом случае, не сеголня.
- Ок, когда скажешь. Завтра, пойдет? Днем мы поедем на озеро, будем купаться, валяться на траве. А еще осмотрим заброшенную деревню. После поедем в Рыбачий ужинать в прибрежный ресторанчик, есть морепродукты и смотреть вдаль... А еще танцевать. Ты любишь танцевать?

Он говорил и слушал, как красиво звучит его голос, и убеждал себя, что все так и будет, и любовался собой, и сам не верил в то, что говорил.

- Я не умею танцевать. Не помню, когда танцевала в последний раз, наверное, это было во сне.
- Хочешь, научу тебя одному красивому движению. Называется роупскиппинг. Тебе ничего не нужно делать, только слушать мои руки. Ну, встань вот здесь, напротив меня. Он отошел в сторону и поманил ее обеими руками к себе.

Ася отвернулась, она не знала — смеяться ей или плакать. Подумала, лучше бы он молчал, тогда пропасть между ними не виделась бы настолько безнадежной и непреодолимой.

Вошли в сосновую рощу. Здесь оглушительно щебетали птицы, среди деревьев мелькали цветные платья и рубашки редких гуляющих.

— Посидим? — Он потянул ее за руку к скамейке, обрамленной густым кустарником с красными ягодами. Она отрицательно покачала головой.

— Нам нужно идти.

Он взял из ее рук переноску, поставил на скамью и, приблизившись к Асе вплотную, стал водить своей щекой по ее лицу. И ей слышался его шепот, нет, не о любви, но о том, как ему невыносима ее холодность, и о том, как больно быть отвергнутым. Впрочем, возможно, это просто ветер отчаянно шумел в верхушках сосен. Его губы скользили по ее лбу, векам, по щеке, все откровеннее, все ближе к ее губам, а руки сжимали плечи так, что Ася уже представила синяки от его пальцев и подумала, что в жару она больше не сможет надеть этот легкий сарафан.

— Нет!

Она отстранилась, взяла кошку и зашагала прочь.

— Я не понимаю тебя. Взрослые дамы так себя не ведут, — сказал растерянно. Похоже, он и в самом деле не понимал, что ей мешает отдаться ему тут же, на скамье или у сосны.

Ася хитро улыбнулась.

- Я не взрослая дама. Я спящая царевна, чтоб меня разбудить нужна неземная любовь и адское терпение. Тебя на это не хватит.
- Я буду стараться, моя царевна. Знаешь, у меня такое чувство, что я все время бегу за тобой и не могу догнать. Как бы медленно ты ни шла мне не догнать тебя. И странно, и страшно.
 - Не нужно ни за кем бежать.
 - Едем завтра на озеро?
 - Нет.
 - Ты меня бесишь. Он схватил ее руку, потянул на себя.

Ася взглянула на него почти с ненавистью и, прищурившись, холодно сказала:

— Пусти. Мне нужно идти, — и подумала: «Ненадолго же его хватило».

Котька в переноске подала голос, мяукнула недовольно и протяжно, словно говоря: «Пустииии ее, нам домооой порааа».

— Завтра в полдень я буду ждать тебя на последней остановке, при выезде из поселка. Придешь?

Ася хотела сказать: «Ни-ни-ни, не рассчитывай» и потому удивилась, услышав свой голос:

— Хорошо, жди. Час, не больше.

Он посмотрел на нее с недоверием, сверкнул глазами, как будто хотел сказать что-то злое, но развернулся и, не оборачиваясь, зашагал прочь, в сторону пляжа.

Громкие голоса и матерную брань она услышала уже при подходе к дому. Понятно, те, кто еще недавно в беседке смеялся и хохотал адским смехом, перешли на ругань, готовую превратиться в мордобитие. Визг становился все громче, и Ася знала, еще немного и округу взорвет паническое верещание: «Аааа!! Убивааают!» Но вместо этого снова услышала взрыв хохота.

Ася поднялась к себе, выпустила Котьку и долго стояла на балконе, вглядываясь в небесную синь, без четкой границы слившуюся с синью морской.

«Алевтина вздохнула и направилась за Баксом. С трудом затащила толстого, упирающегося по своему обыкновению щенка, а когда кое-как закинула его в ванную, чтоб вымыть ему лапы, Баська вдруг вырвался и, оставляя грязные мокрые следы на паркете и коврах, бросился бегать по квартире, а потом спрятался в маленькой комнате под диваном. Это еще что за новости? Алевтина попыталась вытащить его из-под дивана, но Баська уполз еще дальше, так что ее руки не могли дотянуться до ошейника.

«Ну и сиди там!» — бросила Алевтина и ушла на кухню ужинать в одиночестве. Раздался телефонный звонок. Подумалось, что сын или муж решили предупре-

дить ее, что задерживаются. Но позвонила подруга. Начала трещать без умолку, не считаясь с тем, что Алевтина была не в духе и ей было не до нее. «Алечка? Чем занята? На юг собираешься? Ой, как я тебе завидую. А я все лето на даче как рабыня пахала. Ну, огурчиков закатала, помидор несколько банок. Вот за грибами с Алексеем собираемся. Хотите с нами в эти выходные?

Ах, у тебя же Миша работает. Смотри, Алька, за мужиком. Говорят, у них с Тамаркой из бухгалтерии шуры-муры, впрочем, ты молодец, женщина мудрая, даешь своему полную свободу. Ну, купальник себе купила новый?»

И все в таком духе. Алевтина отвечала вяло и при первой возможности перебила подругу: «Ой, у меня на плите ужин подогревается, кажется, уже

подгорает. Я перезвоню тебе чуть позже». И, не дождавшись ответа, бросила трубку.

И зачем звонила, непонятно. Завидует, завидует, что у нее такая хорошая семья, и сын, и муж любящий, и на юг они едут, вот и сплетничает, чтоб настроение ей испортить. Не получится у нее ничего, не получится! Вот скоро придет Миша-старший, и младший набегается, прибежит, оба голодные, а она им красивый стол накроет, и поцелует их обоих, и скажет им, какие они у нее замечательные, самые лучшие! По щекам Алевтины уже текли слезы то ли от умиления, то ли от злости на саму себя, а может, на подругу, которой все же удалось испортить ей настроение...»

12

Смеркалось. Побережье погружалось в сиреневый полумрак с бледными цепочками дрожащих огней. Ася все стояла на балконе, все смотрела вдаль, словно надеялась увидеть или услышать нечто, что поможет найти ей ответ. Но сумерки молчали, и что-то случилось, даже соседи в саду затихли, не смеялись и не скандалили, скучно спели несколько душевных песен и разбрелись по своим времянкам.

Так она стояла, пока окончательно не замерзла. Тогда она закрыла дверь, села за компьютер. Долго рылась в фильмотеке, потом включила французский Сеt amour-là с Жанной Моро в главной роли и, закутавшись в шаль, смотрела фильм полулежа, отхлебывая из бокала пресловутую рябину на коньяке, сладкую, как ликер, и которая, сколько ее ни пей, все не кончалась.

Ехать не ехать, отдаться на волю сиюминутного порыва, не отдаться, to be ore not to be. Она уже не отличала, где сон, а где ее болезненная фантазия.

И то и другое однообразно кружило вокруг борьбы ее неуверенного, как зыбкое отражение гаснущего заката, — «нет» с его непреклонным «да». И она видела, как стрелка весов с ее робким «нет» уверенно отклоняется в ее сторону, потому что мудрость и опыт, беспощадно срывающий все одежды и покрывала, всегда тяжелее юношеских грез.

«Да» — означает сломать, исковеркать ее сложившийся уклад, ее личное кредо: «живу, но не просто живу, но наблюдаю, не просто наблюдаю, но делаю выводы, — но фиксирую их на бумаге», поменять на «не просто живу, но тусую, зажигаю, отрываюсь, кайфую». Все равно, что изменить вере. Или после многих лет вегетарианства зачем-то съесть стейк с кровью.

«Нет» — значит, остаться собой, отсечь минутное умопомрачение, навязанное извне. Как жаль, что это понимание пришло так поздно, почему никто не научил ее этому в юности, когда она уходила от родителей в замужество, лишь бы куда уйти, — она бы не испортила жизнь прекрасному человеку.

Ее покойный муж был взрослым и мудрым, почти на тридцать лет старше, и ему хватало ума и такта не стать для нее постылым деспотом. Муж-отец, муж-наставник, заботливый, всегда спокойный и ровный, другим его представить было невозможно, молчаливо терпел ее короткие увлечения.

Он любил ее, а потому не нуждался в ее оправданиях и увертках, он видел ее насквозь, не вставая с рабочего места, знал, что кокетливая, молоденькая дурочка бежит вовсе не К таким же, как она, юным и глупым особями мужского пола, а ОТ нехватки страстей и огня в отношениях, о которых так красочно рассказывают фильмы и книги.

Когда умер ее муж, она ощутила себя круглой сиротой, и вдруг поняла, что никогда и никого не любила, кроме него. Что поменяла собственный драгоценный алмаз на россыпь чужого мелкого щебня, и запоздалое раскаяние жгло ее каленым железом и до сих пор продолжает время от времени накатывать горечью в самые неожиданные и безмятежные моменты. И вот теперь, когда она свободна и вольна в поступках — ни романы, ни интрижки ей вдруг стали не нужны и неинтересны.

«Да!» — это временное счастье, похожее на утреннее солнце в жарком венце, оно ослепляет, вселяет надежду на прекрасный день и... обжигает. Впрочем, и для восходящего солнца всегда найдутся тучи, и мокрый западный ветер обязательно налетит откуда-то сбоку и бросит тебя одну в своем царстве дождя.

«Да» — это значит пойти в лесные дебри с незнакомым вооруженным парнем и запоздало удивиться своему безумию, ощутив упирающееся в живот дуло пистолета и услышав ласковое: будешь делать то, что я тебе скажу, детка. Она даже представила, какого «леща» она получит и как откинется ее голова, когда только попытается воспользоваться перцовым баллончиком. И как вся полиция Островка будет до икоты гоготать, когда она принесет заявление об изнасиловании.

«Нет» — значит бросить вызов провидению, отказаться от игры, навязанной свыше, сбежать от ловушки, затягивающей в водоворот событий, отстраниться от участия во всеобщей круговерти, той самой, про которую кто-то сказал: «Весь мир — дурдом. И люди в нем — клиенты. Одни — врачи, другие — пациенты».

Она сказала ему: «Я — спящая царевна, чтоб меня разбудить — нужна неземная любовь и адское терпение. Тебя на это не хватит».

Какое лицемерие! Никто не разбудит душу, закатанную в асфальт, будь он хоть принц Уэльский, и как можно разбудить то, что уничтожено временем, ее глубинную женскую суть? И случайный мальчик, даже если он влюбился всерьез, что может ей предложить в ее дожитии, кроме юного тела?

Человек слаб, совершенства не существует в мире с тех пор, как любимое творение Божье возгордилось и восстало против своего Небесного Отца, превратившись в падшее существо. С тех пор любой гордый дух осаждается Богом посредством близких врагов человека, домашних его, кому принято больше всего доверять.

Он сказал ей, ему нравится в ней все — и что она говорит, и что носит. «Нравится все». Что может нравиться в стареющей женщине, которая и в молодости не отличалась красотой?

Маринка как-то гордо возвестила: «Мама, девчонки приняли тебя за мою подружку!» Ложь, обман! Это не девчонки ошиблись, это она их ввела в заблуждение умело наложенным макияжем и взглядом рассеянным и глуповатым.

Ася чувствовала свой возраст и знала, как стареет тело. Не постепенно, день ото дня, но рывками. И не после стрессов, неудач или печальных событий.

Просто однажды, занимаясь привычным делом, вдруг ощущаешь в себе необъяснимое и непреодолимое и понимаешь: вот оно, едва уловимое движение, как плавный, но быстрый рывок лифта вниз на один этаж. И не успеет захватить дух, как обнаруживаешь утром горестную бороздку вдоль щеки, или седую прядь, или видишь, что кожа на руках пошла сеточкой, или откладываешь в сторону старые очки и идешь покупать новые, посильнее.

Но, говорят, молодые любовники поворачивают время вспять, и у нее появился шанс проверить это на себе.

Ася не заметила, как уснула, а утром она открыла глаза и улыбнулась. Она знала, что ей делать. Сначала нужно обнять и приласкать Котьку, ходившую с громким урчаньем туда-сюда по ее одеялу. Накормить, выпустить на улицу.

Потом заняться приборкой в комнате, потом собой. Да, не забыть собрать все летучие шарфики — отнести на помойку. Можно, конечно, отдать Люде, пусть разбирается. Но отдать Люде — значило оставить подле себя. Нет, все решено, выбросить без сожаления! И впредь она будет носить все возрастное: брюки, кремовые блузки со старинными брошками, длинные платья и юбки в пол.

Раскладывала по полкам одежду, сортируя: это годится, а это — нет. Из брюк, черных, узких, что отнесла к разряду «годится», в которых она выступала на вечере, снова выпал листок бумаги, сложенный вчетверо. Странно, что она его не выбросила. «Жду завтра» — написано посередине, бледной тушью, мелким, словно стыдливым почерком, так, что можно и не разглядеть. На записку нужно ответить. Тем более что она обещала.

Что написать? Хотелось бы тоже уложиться в два слова. Можно и в одно «Жди». А можно в два «Верь, надейся». «Нет, верь и надейся звучит слишком опереточно», — размышляла Ася, выходя из душа с мокрой головой.

Она снова задержалась на балконе и, улыбаясь глазами, смотрела вдаль на солнечный берег, на золотые, колеблющиеся в воде разливы; и темные, наползающие тучи ее тоже радовали. Накануне в вазонах под балконом распустились поздние лилии, их терпкий и нежный запах будил воспоминание о тропических зарослях Нонг Нуч.

Не взять ли ей путевку, и не полететь ли в теплые края, отогреться на горячем песке южного берега, и не просто бродить туда-сюда, а с разбега нырять в теплое море? Почему бы и нет?

В двенадцать часов она еще сидела за компьютером, неодетая, растрепанная, с заспанным, бледным лицом. В двенадцать двадцать — неодетая, растрепанная, с заспанным, бледным лицом она сидела перед зеркалом. В половине первого она судорожно схватила записку и написала на обратной стороне три слова. Без пятнадцати — села в машину и выехала со двора.

К последней остановке она проехала дальними, параллельными улочками и, не выезжая на главную дорогу, оставила Степку прижатым к высокому, глухому забору. Пели петухи, лаяли собаки, одна надоедливая птица громко трещала и щелкала у нее над головой: «Ссс-цц-смотриии, сцсс-цц-смотриии, ссс-цц-смотрриии».

Ася смотрела на него издалека, спрятавшись за толстый ствол сосны. Смотрела внимательно, стараясь запомнить каждое движение руки, каждый поворот головы, его белоснежную рубашку, заправленную в синие джинсы наспех, неаккуратно.

Его выражение лица, хмурое, мрачное, — отзывалось в ней теплом. В какой-то момент она решилась. Зажмурившись, вздохнула полной грудью, вышла из укрытия и... сделав шаг навстречу, снова вернулась.

В этот миг она увидела все последующие за этим шагом события. Она увидела все так ясно, словно уже пережила их, словно они отпечатались в ее сознании, как рельеф тяжелой подошвы отпечатывается на мокром песке. Прижавшись лицом к шершавой сосне, она закрыла глаза, чтоб больше не видеть, как он ходит вдоль дороги с мобильным телефоном в руках.

Ровно в час Ася подозвала к себе девочку, вышедшую из противоположной калитки. Девочка была похожа на маленькую Асю, тяжелый хвост пепельных волос, серьезное лицо и глаза не по возрасту внимательные и въедливые.

Она передала ей записку, в которой было написано «Встретимся в другой жизни», и показала на высокого парня, одиноко стоявшего на остановке. Девочка кивнула и побежала. Ася постояла еще несколько секунд, слушая гулкие удары сердца, звон монастырских колоколов и отчаянно распекавшую ее птицу: «Сссцц-смотрриии, ссс-цц-смотриии», и пошла к машине.

Больше она его не видела.

В октябре, в ее любимую золотую пору, когда дачные воспоминания остались позади, в день, когда холодное солнце, выглянув из-за тучи, равнодушно скользило вдоль каналов, мостов и усыпанных листвой городских тротуаров, Маринка сообщила ей нежданную новость: она беременна!

- Какой срок? Ася, только что вернувшаяся из Павловска и еще пребывавшая под впечатлением, замерла с букетом красно-рыжих кленовых листьев в руке.
 - До фига!
 - Была в консультации?
 - Ага! Как я туда доберусь, за тридевять земель?

Ася разволновалась. Сможет ли Маринка осчастливить хотя бы одно земное существо? Вряд ли. Будет оставлять ребенка на Асю, будет продолжать свои тусовки среди близкой ей по духу, никчемной публики.

И если Ася воспротивится, то бросит в нее свое обычное, колкое: «Есть ли у тебя сердце, мать».

Ася хотела выложить Маринке все перспективы на ее ближайшее будущее, описать их во всем трагическом реализме, отразить, как в блюдце с голубой каемочкой, по которому катится наливное яблочко. Пусть знает, готовится и встречает без удивления.

Но не решалась. Почему? Потому что чувствовала: нельзя! Внутренний, интуитивный барьер, тот самый, что тянулся из детства (жаловаться нельзя, некому, а главное, жаловаться опасно), запретил ей говорить вслух все, что она думала по поводу Маринкиного порочного зачатия.

Словно неродившееся дитя могло услышать и расстроиться, или сказанное беспощадное слово, идущее против правил Большой Игры, ударит не только по младенцу, но по всему счастливому и относительно благополучному на сей день семейству.

Пришлось везти непутевую в платную клинику, потом на УЗИ, а еще на занятия для беременных, на кислородно-витаминные коктейли, на концерты классической музыки и в загородные парки для улучшения психоэмоционального статуса. Уфф...

Ася послушно погружалась в новое состояние суетных забот и волнений. Сама Маринка увлеклась детским шопингом, начала приобретать игрушки, распашонки, костюмчики. Ася ей не мешала, пусть привыкает, вживается в новый образ, с пользой преобразовывает свой внутренний плач.

А Кирилл по этому поводу устроился на официальную работу, мастером в тату-салон, и даже купил новенький детский велосипед с клаксоном, флагом и пропеллерами у руля. «Я, пацаном, так мечтал, а родители только отмахивались».

Ася долго ничего не писала, ее творческий застой стал хроническим. Однажды она села дописывать рассказ, одним глазом, по привычке, заглядывая в экран телевизора, который вещал нечто скучное, стороннее, никак не соотносимое с ее жизнью и жизнью всех обычных людей, все больше про ужасы Украины, Сирии и Америки.

А еще второй день передавали о трагедии над Ираном, где разбился самолет Airbus 380, выполнявший рейс Санкт-Петербург — Дубай. Трагическим голосом диктор сообщила:

— Среди множества подобранных паспортов, билетов, страховок и прочих документов найдена странная записка: «Встретимся в другой жизни». Список погибших вы можете увидеть на экране.

Ася всматривалась в имена, фамилии погибших, больше обращая внимание на год рождения, готовясь записать возможные варианты. Под год рождения Романтического Повесы подходили две арабские фамилии, две девушки и один юноша с именем Ярослав Дашков.

Ася подошла к окну. Почти все деревья уже стояли голыми, последняя мелкая листва взлетала, кружилась и обреченно падала вниз. «Встретимся в другой жизни, Ярослав». Ася снова села за компьютер.

«Нет, нельзя поддаваться! Все у нее замечательно, прекрасно! Вот только пол нужно за Баськой вытереть, и будет полный порядок. Взяла тряпку и давай мыть пол и в комнате, и в прихожей. Но что это? Что это за рваный серый тапок, похожий на раздавленную мышь, валяется возле входной двери? С помойки, что ли, кто принес? Нет, вовсе не тапок это с помойки, это туфли ее парадные, вернее то, что осталось от одного из них. Баська! Изгрыз ее любимые туфли. Мерзавец! Как он смел! Ах он дрянь такая, дрянь, псина неблагодарная!

Алевтина схватила швабру и бросилась в маленькую комнату. Стала тыкать шваброй под диван, толкала щенка в мягкий бок, пока он не выскочил. Алевтина успела схватить его за ошейник, притащила в прихожую и стала бить его тем, что осталось от туфли. Била изо всей силы, безжалостно, по толстой попе, по бокам, по голове, злобно шепча: «Вот тебе, вот тебе, получай, дрянь! Скотина! Мерзкое животное! Получай! Получай!»

Баська даже не пытался увернуться и не скулил, только недоуменно озирался на озверевшую хозяйку. Казалось, он вообще не понимал, что происходит, что случилось, почему ему так больно, неприятно, почему, почему??!! Когда Алевтина устала бить и плача упала на диван, Баська с растерянным видом остался сидеть на том же месте. Он так и не понял, что произошло. Но того, что произошло, изменить было уже нельзя.

Алевтина вдруг поняла, что, оказывается, она вовсе не знала себя. Да она ли это была минуту назад? Не может быть! Разве она способна на такую жестокость, бесчеловечную, бессмысленную жестокость. Ей стало страшно и тошно, точно она заглянула в жуткую бездну.

С этого момента все изменилось. Изменилась вся жизнь Алевтины. Хотя внешне все оставалось по-прежнему. Баська так же гулял по утрам иногда с Мишей-младиим, но чаще — с ней, вечерами — один. Только домой его затащить стало все труднее. Нагулявшись, он сидел у парадной, дожидаясь свою хозяйку, но, когда она выходила за ним, он отбегал в сторону. Все чаще Алевтине приходилось просить посторонних, чтоб они защелкнули на его ошейнике поводок, и только тогда ей удавалось силой притащить его, упирающегося, домой. Вытирала ему лапы мокрой тряпкой, кормила, мыла за ним пол. И все же все стало иначе.

Другим стал сам Баська. Он перестал ластиться и лезть на руки, пытаясь лизнуть в лицо. Лежал на своей подстилке и грустными черными глазами смотрел в никуда. Алевтина чувствовала, читала в его мордочке, что скоро он уйдет от них.

- Мама, мне кажется, Баська заболел, заявил сын, озабоченно глядя на скучающего шенка.
 - Нет, просто я побила его за изгрызенную туфлю.
- Ах ты, Баська, зачем маме туфель изгрыз? пытался расшевелить его сын. Но щенок был безучастным и не отвечал на игривый тон Миши.
- Мама, ты прости его, он еще маленький, вот подрастет, грызть ничего не будет. А вообще надо ему игрушки резиновые купить, пусть их грызет! У Васильевых щенки все грызут, и ножки от стульев, и туфли, и даже обивку дивана, представляещь?

Алевтина промолчала. Она не призналась, что, оставшись наедине с щенком, она сама просила у него прощения. Баська ласково лизнул ей руку, словно ответил, что простил ее, простил полностью, только глаза его не становились веселее.

Пропал Баська за день до отъезда в Адлер. Как обычно вечером Алевтина отпустила его гулять, он убежал, но к подъезду не вернулся ни через час, ни позже. Напрасно она выглядывала из окна и кричала: «Баксик! Баксик! Домой!» Баськи не было. Вышла Нина Константиновна с Лаской, вышел из соседнего подъезда огромный, лохматый Тишка. Бегал во дворе беспризорный пес Ларик, который был общим после смерти его престарелой хозяйки. Не было лишь Баськи.

Пришел домой сын, и они вместе пошли искать щенка, заглядывая в окна подвалов, обходя помойки и подворотни. Баськи не было нигде. Куда он мог сбежать, он же боялся уходить далеко от дома.

«Тиша, ну-ка позови Баську!»

Тихон громогласным лаем куда-то в сторону огласил двор. Но щенок не прибежал на его призыв.

На вокзал они уезжали на своей машине, решив оставить ее на ближайшей к метро платной парковке. Весело загружали в багажник рюкзаки и сумки. А пожилые соседки, сидящие на скамеечке возле подъезда, любительницы пересудов, перемывающие кости всем жильцам, шептались: «Ах, какая образцовая семья. Такие дружные, всегда вместе! Алевтина Павловна — редкой доброты женщина».

